

А. Мурамански

ПРИЗРАК
В ЗЕРКАЛЕ

Annotation

Гонки — жизнь, а всё остальное — лишь ожидание. И эта повесть призвана немного его разбавить.

Трасса с дурной репутацией, поворот-убийца, да ещё призрак... Сумеет ли вчерашний неудачник противостоять ему, когда ставки запредельно высоки?

Ведь автоспорт, увы, не только жизнь, но порой и смерть.

Она танцевала. Порхала невесомой бабочкой-лимонницей. То ли пыталась ускользнуть и скрыться, то ли увлекала за собой. Непонятно почему, мне показалось: её лицо я видел раньше. Не уверен. Слишком быстро оно мелькало, то и дело прячась в развевающихся волосах. От попыток разглядеть его получше начала кружиться голова, и я как будто увидел мир глазами загадочной танцовщицы: стремительно вращающимся в перекрестье солнечных лучей, пронизывающих листву одновременно с разных сторон.

На ней была жёлтая кофточка, короткая светлая юбка, от кружения раскрывающаяся цветочным бутонem. Ступни перебирали по шершавому асфальту, зрительно почти его не касаясь. Но от них оставались едва заметные следы, как у русалочки из сказки Андерсена. Видимо, танцевала она очень давно. Так увлеклась и не замечает, что поранилась?.. Стоит её догнать и остановить.

Дорогу, по старинке, обрамляли бетонные столбы, забрызганные тёплыми бликами... Наверно, краска, которой некогда для пущей заметности были нарисованы чёрные и белые полосы на них, давно облупилась и осыпалась. Но нет! Приглядевшись, я понял, что вдоль обочины, бесконечными параллельными вереницами уходя за поворот, выстроились надгробия. Попробовал читать полустёртые надписи. Многие имена были знакомы, большинство — смутно, какие-то впервые видел.

Когда строй камней внезапно оборвался, я невольно задержался у последнего, пытаюсь прочесть... Буквы были неглубокими, но вместе с тем свежими, похоже, высеченными совсем недавно. Пыль и копоть не успела скопиться в них, но и ни малейшей тени внутрь почти идеально ровных и гладких канавок не попадало. Я протянул ладонь, надеясь распознать текст на ощупь. Вспыхнув под солнцем, рука как будто слилась с камнем. От яркого света в глазах нестерпимо защищало...

Каждый раз, перед пробуждением, мне кажется, что там должно быть написано другое имя...

СУББОТА. Окончание квалификации

Изогнутая тень рубанула по глазам. Что это? Реклама слабительного? Или средства от поноса?.. И зачем её установили сразу за выходом из скоростной связки? Парой сотен метров дальше — получился бы неплохой ориентир для выбора точки начала торможения. А тут... Если на миг отвлечься и потерять концентрацию...

Что-ж. У спонсоров будет повод довольно потирать руки: эмблема их фирмы надолго замаячит в телетрансляциях, пока внизу из обломков извлекают тело. А у рекламщиков найдётся повод гордо заявить, что не зря получают жалованье, ведь последнее, увиденное бедолагой — название их целебного препарата. Стоит перед заездом в боксы всё-таки глянуть: от чего, и чей логотип вписался на надувную арку. Вдруг заковыристое слово окажется счастливым талисманом? Или, наоборот, проклятием... Хотя, пока приносит удачу. Круг определённо вышел неплохим.

«Поздравления! У тебя поул!..» — в наушниках прозвучало наподобие: «Пока сносно. Но только попробуй, сукин сын, не справиться дальше!..» Такое отношение можно понять. С большей теплотой эти слова адресовались бы другому...

В современных гонках годам к тридцати пяти — тридцати восьми, когда у нормальных людей профессиональная карьера только вступает в пору расцвета, ты либо всё ещё цепляешься за ранее взятую вершину, либо уже безвылазно на обочине. Мне хвататься было не за что. Спортивные результаты камнем опускались на дно, так и не засветившись на поверхности. К началу моих выступлений за предыдущую команду кроме громкого имени у той не осталось ничего — ни скорости, ни денег. И вашему покорному слуге с его способностями вышло не по зубам компенсировать ни то, ни другое. Потому за пару этапов до финала на место неудачника с зарплатой предпочли взять рента-драйвера, который, так же финишируя последним, мог хотя бы помочь с решением второй проблемы, оплачивая себе из спонсорского кармана почётное право гоняться в конце пелотона. Я же паковал вещи. Предстоял дальний перелёт: не в Южную Африку, откатать несколько дней очередного позора, а на родной континент по ту сторону Атлантики. В таком полуразобранном состоянии меня и застиг звонок:

«Здравствуйте, с вами говорит... — имя представившегося мне мало что сообщило. А вот про мою персону на дальнем конце провода, похоже, знали куда больше. — Дошла информация, вы теперь свободный агент. Не буду ходить вокруг да около. Хочу предложить место призового пилота в нашей...» — когда прозвучало название, я не поверил ушам!..

*«...Словно Сinderелла,
Слышу с неба дивный хор
И голос: «Я волшебный менеджер!
Ты выступишь в Карнеги Холл!..» [1]*

— Пело приглушённое радио в повисшей тишине. Хорошо, тогдашние средства связи ещё не научились транслировать лица при разговоре. Но, полагаю, невидимому собеседнику без того легко представилась моя отвисшая челюсть.

«Понимаю. Надо подумать, — продолжили на том конце. — Это у нас разгар рабочего дня, а в Европе час поздний. Не стану отнимать время вашего сна. Сообщите о решении завтра... Ах, да! Самое главное забыл. Зарплата у нас, конечно, поменьше, чем в Формуле, но народ не жалуется. Короче, ждём ответа в течение дня... Но, если что, я просыпаюсь рано. Приятного отдыха!»

Вернейшего способа перебить мой сон придумать было сложно. Позже я начал подозревать, что неожиданным выбором не больно стоило обольщаться. А пока немедленное «да» прямо-таки рвалось наружу. И, кажется, с той стороны без труда это уловили, повесив трубку лишь после десятисекундной паузы.

Существует масса предложений, от которых невозможно отказаться, и не обязательно они исходят от мафиози. Просто такая функция в них не предусмотрена. Например, офисному работнику дают новую должность. Тот понимает, что спокойной жизни она ему не прибавит, а оклад устраивал и прежний. И всё же выбор у него чисто формальный. Однако звонивший из Штатов будущий босс, показалось, искренне хотел, чтобы я всё хорошенько обдумал. Будто недоговаривая что-то и давая возможность догадаться самому, тем самым снимал с себя изрядную долю ответственности. Из команды аутсайдера, три раза подряд не пройдя квалификацию — сразу в топ-конюшню с чемпионскими амбициями?!. Был в этом какой-то подвох. Нет! Безусловно, я сообразил: КОГО мне предстояло заменить. Но почему на место звезды берут самого незаметного, затерявшегося в толпе неудачников?

Многие, наверно, замечали, что чаще судьба преподносит подарки, когда её об этом не просишь. На то он и сюрприз! Не было бы счастья да несчастье помогло?.. Даже если, как в нынешнем случае, две этих составляющие

несоизмеримы...

Пока же недавнему лузеру, а теперь герою субботы, полагался принудительный солярий из фотовспышек и внимания прессы. Из-за кондиционеров, работающих на полную, внутри атмосфера царилла более осенняя, чем снаружи. Октябрь выдался необычайно тёплым даже для мягкого европейского климата. И гости один за другим облачались в куртки и плащи, которые притащили в руках. Нам в наших комбинезонах, пожалуй, было комфортней всех. Хоть раз за уикенд восстановлена справедливость! Правда, назавтра обещали похолодание. Но это скорей облегчение для моторов, а мы не раз успеем свариться.

Из пилотов помимо меня на растерзание пишущей братии были приглашены: Себастьян Фирелли, немногословный Пит Зебровски, а также не попавший в первую тройку, но, несомненно, остающийся центральным персонаж, по крайней мере, из присутствующих. Его припасли на десерт. После протокольных формальностей зашёл разговор по существу. Итало-американец в красках нахваливал гладкий немецкий асфальт, более милый его копчику, нежели кочковатый Детройт. Зебровски едва заметно кивал. Тридцать первый номер тоже помалкивал, улыбаясь загадочно и немного зловеще. Я на их звёздном фоне, должно быть, выглядел потерянным, от нечего делать разглядывая потолок. Заклѳоченные в алюминий квадратики навевали ассоциации не то с джазом, не то с первой высадкой на Луну, отчего — благополучно похоронено в недрах неразборчивой памяти. Но наконец не обошли вниманием и меня, задав ожидаемый вопрос:

— Скажите, как вам удалось на четвёртом секторе отыгрывать по полсекунды?

Всего-то секрет: любой раллист средней руки знает — перед трамплином в точке излома иногда лучше тормознуть, чтобы вращаемые мотором колѳеса цеплялись за дорогу, а не за воздух. Тут же, под гнѳтом аэродинамики, достаточно просто на долю мгновения ослабить газ, и только когда тебя вдавило в асфальт, жать, борясь с перегрузкой. Если же этого не сделать, после резкого перехода подъѳема в спуск передние шины из-за потери прижима норовят уйти с идеальной траектории. И приходится серьёзней жертвовать разгоном, чтобы остаться в Удавке — местном жутковатом шедевре: Штопоре, проходимом на скорости Красной Воды...

— Сегодня у нас лучшая машина, — изрёк я вместо этого положенную банальность, краем глаза поймав на себе неодобрительный взгляд босса. Ах да! Такое было позволительно говорить Бобу. А я сказанным вроде как принижаю его талант... Чѳрт! Насколько всё сложно!..

Шеф вовсе не был приверженцем левацких идей. Но чутьѳм бизнесмена первым уловил: откуда дует шелестящий купюрами ветер. Как до него угадали хваткие коллеги, стригущие урожай на ниве бокса, футбола и баскетбола. Взяв под крыло талантливого темнокожего паренька, он смекнул, что негодование одной части общества только прибавит ему популярности у другой, на чьей стороне найдутся и ретивые журналисты, и прагматичные спонсоры.

Потомок африканцев в долгу не остался, влюбив в себя почти весь паддок и наступив поборникам «традиционных ценностей» на их нежно-белые мозоли. «Бокс и баскетбол куда ни шло, — верещали те. — Но доверять тому, в чьих жилах течѳт кровь дикарей, гоночный автомобиль, представляющий смертельную опасность для трёх десятков пилотов и, бог ведает, скольких зрителей!..»

Соперники же в шутку прозвали мозг под курчавой шевелюрой «мерзлотой под пальмами». И Бобби Мѳврик доказывал это делом. Если кому-то фартило вылезти вперѳд, он спокойно приходил вторым или третьим. Но чаще побеждал. А они, чувствуя, как он безнадежно отрывается в турнирной таблице, рисковали и, ошибаясь, откатывались в хвост или просто сходили. Пресса чуть ли не с Индианаполиса начала оплакивать безвременно почившую интригу, зевками моля об её воскрешении. И, возможно, перестаралась:

До окончания сезона оставалось три этапа, на первом из которых, проходящем на скоростном овале в Мичигане, лидер зачѳта мог досрочно оформить чемпионство, даже не попадая на подиум. Оттого на первых кругах не рвался вперѳд. В отличие от другого новичка — Фрѳнка Лайквуда, смазливового любимца «белых консерваторов», который после стартовых неудач ощутил вкус побед, намереваясь сместить со второй строчки опытного Себастьяна Фирелли. Мѳврику не было никакого резона вмешиваться в их борьбу. Но капризом судьбы он физически оказался между ними на трассе.

Фирелли прошѳл его по внутреннему радиусу, а Лайквуд излишне оптимистично сунулся снаружи, слегка резанув кромкой антикрыла заднее правое колесо. И при заходе в вираж резина взорвалась. Боб пытался отловить машину рулѳм, но её, развернув, на скорости под двести миль швырнуло о стену.

Со стороны, тем не менее, инцидент не выглядел фатальным. Столкновение произошло под острым углом. Нет: удар с бесконечным скольжением вдоль бетонного отбойника, искрами и отлетающими колѳесами смотрелся жутко! Ясно было, что после такого шасси не подлежит восстановлению. Но кокпит уцелел, сохраняя надежду, что худшего удалось избежать...

Если б не свешенная набок голова...

Она оставалась неподвижной, уставившись из-за ошмѳтков развороченного моторного отсека в наехавший полным зумом объектив телекамеры жуткой улыбкой. Этаким смайликом, стилизованным под африканскую

маску. Смайлик... Смай... — чёртовы ассоциации!.. Для Гордона Смайли трагический исход стал очевиден ещё за миг до чудовищного тарана, когда после заноса его болид выставило перпендикулярно стене, через полсекунды превратив в размазанный огненный смерч. Авария Мэврика скорее напоминала затянувшийся кошмарный сон, постепенно открывая детали складывающейся невесёлой картины...

Боб шутил по поводу необычного дизайна, что в джунглях принято цеплять себе на затылок нарисованное лицо, чтобы хищник думал: ты его прекрасно видишь и с внезапным нападением со спины следует повременить. А изображённое на шлеме оно отобьёт соперникам охоту к «кинжальным» атакам. По злой иронии, шлем Лайквуда был расписан под голову ягуара, его же машина имела чёрно-жёлтый окрас.

Со временем при тяжёлых авариях маршалы догадались натягивать полотно, дабы не превращать борьбу за жизнь пилота в продолжение шоу. Тогда же всё происходило на глазах миллиона зрителей. И маска на застрявшем шлеме, словно присвоив себе отделённую от тела душу, злорадно скалилась с миллиона телеэкранов. Я смотрел ту трансляцию и тоже её видел... Может, она меня и выбрала тогда?.. Но что-то я совсем расфантазировался!..

— А вы какую музыку слушаете?

Это опять вопрос мне (сильно же я удалился мыслями от реальности). Как будто от моего ответа зависит, что будет сегодня до ночи громыхать и бубнить над Штайнвальдом. Бросить им дежурное: «Битлз, Роллинг Стоунз»? И если они спросят: а кого чаще?..

— Всё, кроме техно и евро-попа, — ответил я.

Фрэнк Лайквуд расплылся в улыбке. Похоже, он полуминутой назад слово в слово сказал то же самое. Или с точностью до наоборот... А, впрочем, музыка, как и любое другое искусство, скорей всего ему по барабану. Единственным достойным внимания предметом, надо думать, для него является он сам. Может позировать голышом для глянцевого журнала, без смущения подставлять фотокамерам потное тело во время занятий в спортзале, или хвастать перед ними очередной гёрлфрэнд, которую кинет через неделю. Но никогда не поделится верными настройками с товарищем по команде.

После Мичигана он демонстрировал завидное хладнокровие. «Сожалею, но зачем было так рисковать, запирая калитку?.. — сыпались оправдания, похожие на обвинения. — Мэврик не оставил мне места... Желаю ему скорейшего выздоровления...» — и всё такое.

Травмированного Боба на вертолёте доставили в госпиталь. Все ждали обнадеживающих вестей. Но вместе с ними в паддоке воцарилось тревожное молчание. А когда стали просачиваться первые новости, многие, думаю, предпочли б оставаться в неведении. Пострадавшему в аварии диагностировали серьёзное сотрясение и перелом шейных позвонков, чреватый пожизненным параличом. Из комы он так и не выходил.

Судьи посчитали вину в инциденте обоюдной. Так бывает в автоспорте: виноваты оба, а расплата несопоставима. Кое-кто из гонщиков в приватном разговоре пообещал, если такое повторится, впечатать засранца в стену. Но на деле тридцать первого стали побаиваться. И этап в Лагуна-Секе Фрэнк выиграл, что называется, в одни ворота. Фирелли долго чинили подвеску, из боксов он выехал уже не будучи претендентом на чемпионство. А Лайквуда от титула вместо недавней пропасти отделяло уже сорок семь очков, то есть цена ещё одной победы. И шеф забрал данное слово не выставлять машину на последних этапах, тем самым расписавшись в бессилии добиться от судей дисквалификации обидчика или хотя бы списания призовых баллов.

— Ваши планы на завтра, учитывая неоднозначную ситуацию? — поинтересовались у Фрэнка.

— Все мы очень переживаем за Боба. Но что случилось, уже не изменить, — высокомерно прищурился он, будто квалифицировался не седьмым, а на поуле (вместо не вполне уместного тут выскочки-меня). — Надо смотреть в будущее. Завтрашнюю гонку я посвящаю нашему другу, за кого все мы молимся.

Хорошо хоть не сказал «победу», которая отберёт у бедняги единственный и последний шанс исполнить мечту, после того как ты отнял у него будущее. Из-за чего Фрэнк обзавёлся прозвищем «фашист», либо в более мягком варианте «Фриц» — от видоизменённого имени. В его внешности и впрямь проступало что-то арийско-нордическое.

— Как вы смотрите на то, что некоторые называют вас... эээ... расистом?

— Вроде, в Европе это слово считается оскорблением? — процедил Лайквуд. — Извольте. Скажу, что всякому, кто попытается меня оскорбить, я разукрашу физиономию независимо от её первоначального цвета.

Кто-то захолопал. Какая же пошлятина имеет порой успех даже среди искушённой публики!

— А что думает о предстоящей гонке обладатель поула? — опять обратились ко мне. — Рассчитываете на победу? Или сконцентрируетесь на интересах команды?

— Не вижу противоречий, — коротко бросил я. На этот раз шеф одобрительно кивнул.

— Но, не будем лукавить, главный ваш соперник завтра стартует с седьмого места. И вам достаточно финишировать впереди него...

— Только если он придёт вторым, — (получив сорок очков вместо пятидесяти за первое). — Я ответил на ваш вопрос?

— Полагаю, да, — подытожил за репортёра вполне удовлетворённый босс.

— Завтра мы все гоняемся за Боба, — встрял неуёмный Фирелли и перевёл взгляд на Фрэнка. — Кроме одного.

На старте итальянец будет дышать мне в спину, и его это вряд ли устроит. Он не из тех, кто запросто делится титулами и очками. Как и вторивший ему кивком Зебровски.

— Вы тоже так считаете? — всё-таки попросили его уточнить.

— Да, — сделал это он.

— А подробнее?

— Завтра увидите.

С такими «союзниками» лёгкой жизни ждать не приходится.

— У кого ещё вопросы? — прервал ведущий спровоцированную молчуном паузу.

— У меня... — поднялась на среднем ряду светловолосая девушка в элегантном оливковом костюме, строгостью изящно подчёркивающим юность.

— К кому? — передали ей микрофон.

— К лидеру... — сама она держалась, пожалуй, чересчур стеснительно для своей профессии.

— Квалификации, — подсказал ведущий. Интервьюер собралась и с грехом пополам продолжила:

— Скажите... В конце того самого быстрого круга... Когда поняли, что выигрываете... Случайно не заметили?.. — она снова сбилась.

— Что? — неуклюже пришёл на помощь я, тем самым лишь усугубив её неловкость. — Или кого?..

Черты её лица показались смутно знакомыми... В какой альтернативной реальности я мог её видеть? В этой бы однозначно запомнил! Сама, словно привидение в оливковых одеждах... Таким взволнованным голосом обычно не вещают для широкой аудитории, а шепчут тет-а-тет на ушко, чтобы сообщить нечто сокровенное, или предупредить:

— Жёлтого призрака в зеркалах... Вы, должно быть, слышали про него...

— Ему незачем было в них пялиться! — раздражённо перебил шеф. — И завтра, надеюсь, нужды не будет. Пусть туда чаще поглядывают круговые, чтоб не мешать его гонке. Дайте пилоту отдохнуть. Всем нам предстоит жаркий денёк. Пресс-конференция окончена!

— О чём это она? — поймал я его на выходе.

— Не бери в голову! — буркнул он. — Наверняка одна из «группиз» Лайквуда. Профессионалка не стала бы нести такую ахинею на камеры.

А без них? Я вернулся в зал. Но места для прессы стремительно пустели. Операторы и фотографы паковали аппаратуру. Загадочной юной дамы среди них уже не было. Голые сиденья смотрелись даже эффектнее недавней модной публики, яркие пластмассовые спинки вместе складывались в цвета национального флага Федеративной Республики: угольно-чёрный, кроваво-красный и... Чёртов призрак!.. Почему жёлтый?.. Вряд ли в виду имелся солнечный зайчик. Почудилось, где-то в глубинах подсознания цыплёнком вылупляется гаденький страх. И усмехается ожившей маской-смайликом со шлема парализованного Боба.

I — в песне «Success Story» Джона Энтвистла, исполняемой The Who, это звучало: «Just like Cinderella when she couldn't go to the ball, a voice said, "I'm your fairy manager! You shall play the Carnegie Hall»

После светской обязаловки наконец представилась возможность собраться с мыслями. Когда стоишь ногами на тверди, всё выглядит большим. И даже жизнь впереди видится длиннее, подобно асфальтовой прямой, почти упирающейся в горизонт петлёю на противоположном конце. Завтра мы будем покрывать это расстояние быстрее взлетающего самолёта.

Стоя на мосту, уже переодетый в «штатское», я изучал светофоры перед стартовой решёткой, издали прикидывая: как бы пораньше уловить момент, когда они зажгутся зелёным... Чёрт! В завтрашней гонке старт даётся с ходу. И до выезда на прямую желателно уже встать на газ. Лидеру, конечно, проще. Это другим важно следить, чтоб никого не обогнать раньше черты. Вот только опыт у меня в подобных дебютах, считай, никакой.

— Шалом алейхем, суперзвезда! — чей-то кулак ощутимо ткнул костяшками под лопатку. Растерявшись от такой наглости, я чуть не звезданул в ответ раньше, чем обернулся.

В колониальных светло-бежевых шортах и жилетке, но кепке вместо шлема, мой обидчик аристократично опирался на сложенный штатив, как на трость, а с другого бока висела кобура, в которую бы уместился портативный гиперболоид. Под лоснящимся тропическим клювом расплылась улыбка до ушей.

— Шабат шалом! — теперь я был готов задушить его в объятиях, если б не мешал фотоаппарат на шее (что тогда в оттягивающей кобуре?). — Курт! Вангер!.. А я-то думал: кого мне не хватает на пресс-дегустации?!

— Так ты и не смотрел в мою сторону, — шуточно упрекнул «придворный папарацци её Величества Королевы Автоспорта», — предпочёл быть лакомством для молоденьких акул пера. Никуда не торопиться?

— Наоборот. Спать захочется не скоро, а как по-другому убить остаток дня — не приходит в голову. Поможешь?

— А то! Наёмный убийца времени всегда к твоим услугам. Сам, небось, видел Штайнвальд только из кокпита?

— Чем я, по-твоему, сейчас занимался?

— Всё равно не то. Есть неплохое местечко, где можно спокойно перетереть и осмотреться. Ноги ещё ходят?

— Сегодня, считай, пока и не начинали, — (исключая утреннюю пробежку, во время которой не слишком перенапрягался), — Будет полезно немного ими подвигать.

— Тогда вперёд!

Питлэйн и боксы команд находились с внешней стороны — необычная компоновка, но удобная с точки зрения логистики. А внутри кольца вдоль стартовой прямой и скоростного участка перед ней крутой рельеф образовывал естественные трибуны. Обзор был бы почти идеальным, если б не лепившиеся по склонам вековые деревья. Гоночное полотно отсюда напоминало широкий нерегулярный пунктир, прерываемый стволами и кронами. Мы, очевидно, держали путь к наивысшей точке очерченного трассой островка. Дорожка-лесенка затейливо извивалась вверх по склону, будто вела к древнему мегалиту. Курт заметно выдохся. Да и я давно размял затёкшие от сиденья ягодичы.

То, что снизу выглядело приземистой средневековой башней, вблизи оказалось бетонным новоделом, обклеенным плиткой «под камень». Судя по запахам из окон-бойниц, на первом этаже размещалась кухня.

Мы направились на верхний ярус — круглую площадку, уставленную столиками и стульями под тряпичными зонтиками, хлопающими на ветру, словно разноцветные паруса. Наперерез нам подскочил, видимо, менеджер, с пропорциями охранника.

— Проходите, — изрёк тот, увидев показанный Вангером пропуск. С таким лицом, будто делал великое одолжение, впуская посетителя в пустое кафе. — А вы куда? — ещё менее любезно загородил он проход мне.

— Это со мной, — пояснил Курт. — Хочу в неформальной обстановке взять интервью у сегодняшнего героя.

— Обслуживание только по пропускам, для прессы и VIP-гостей.

— Так без этого господина ни один из VIP-ов сюда носа не сунет! Подумать стыдно, даже лифта нет! Мы, люди натренированные, и то выдохлись, взбираясь до вашей пафосной забегаловки. А ему ещё за рулём потеть. Неужели отправите голодным восвояси завтрашнего хедлайнера? Тогда авторитетно обещаю профессиональную антирекламу.

— Так вы гонщик? — с извиняющейся миной начал соображать менеджер-охранник. — Простите, не признал, — соврал он мне, зачем-то притворившись, что теперь узнаёт. — Милости прошу. Какой столик предпочитаете? По счастью, есть выбор. С видом или как?

— И какие аргументы в пользу «или как»? — поинтересовался Курт.

Тот пожал плечами.

— Вот и у нас нет. Разумеется, с видом.

VIP-ложа представляла собой своеобразную вершину усечённой пирамиды Маслоу, откуда можно безопасно посылать окурки и плевок на нижележащие ярусы. А у её подножия за пешеходной дорожкой параллельно трассе

выстроились туалеты. Видимо, чтобы, реализуя низшие потребности, зрители не прерывали наслаждения рёвом моторов.

Первый аргумент против «вида» не заставил долго себя ждать:

— Янки, убирайтесь домой с вашими ...ными ракетами! — долетело со стороны кучки неопрятной молодёжи с пацификами и транспарантами. До того мирно валявшейся на газоне, но оживившейся, когда кто-то засёк над зубчатым парашютом наши «присевшие» головы.

— Лето Любви кануло в лету давным-давно, — пробурчал Курт. — Пора бы уж этим хиппи повзрослеть.

— Чтобы служить молчаливым прикрытием «Непотопляемому Авианосцу»?

— Разве навязчивый страх конца света — не приемлемая плата за сытость и вольности? — возразил мне журналист. — Посмотрел бы, как им при коммунистах понравилось!

— Когда бы все ездили на одинаковых машинах? — улыбнулся я, вспомнив, как наострились стращать коммунизмом наших обывателей. — По-моему, фанаты гонок об этом только мечтают.

— Но даже чемпион предпочтёт, чтобы именно у него, а не у соперника, была самая лучшая, — парировал Курт.

— Как говорится, ничто человеческое нам... — изобразил побеждённого я.

— Вот и человек хочет жить в стране, где ему будет сытней и безопаснее. Поровну на всех, к чему призывают леваки, можно поделить только бедствия и нищету.

— Даже таким образом большинству их достанется несколько меньше.

— Думаешь, они это заметят? Зато прочувствуют и не обрадуются другие. Люди никогда не станут равными. И кто-то должен поддерживать какой ни на есть, но сложившийся миропорядок. У нас не вышло, у вас пока получается...

— Хочешь сказать, — чуть не поперхнулся я слюной, — ты жалеешь, что завтра усядусь за руль, вместо того чтобы отправиться в газовую камеру?

— Прости! — закрыл он ладонью глаза. — Глупость сморозил!.. Дай Бог, чтобы вам никогда не пришлось стыдиться своего прошлого, как нам.

— Проехали, — примирительно похлопал я его по другой руке, лежащей на столе. — Ты, кажется, собирался взять у меня интервью? Весь в твоём распоряжении. Безродный космополит на допросе у чистокровного арийца.

— Это с моим-то носом? — отшутился Курт. — Давай для начала что-нибудь закажем, — склонился он на переминающемся официанте. — Мне стейк средней прожарки с картофельным пюре и виски, — ткнул его похожий на колбасное изделие местной кухни палец строчку в винной карте, куда я и не заглядывал. — Это для начала. А ты что желаешь? К слову, тут готовят неплохой эспрессо.

— Спасибо, но собираюсь поспать ночью, — отказался я. — Пожалуйста, овощную лазанью и... Сок у вас есть?

— Конечно, — кивнул официант. — Все свежесваренные. Фрукты доставили сегодня прямиком из...

— Какой порекомендуете? — не стал я дослушивать.

— Обычно заказывают грейпфрутовый.

— Пускай будет он.

Официанта мы временно спланировали, и хиппи внизу утомонились. Тишину нарушал лишь шелест ветра да урчание в наших животах, предвкушающих вечер чревоугодия. Хотя мне с моей спортивной диетой больше грозило глотать слюнки, наблюдая за пиршеством товарища.

— Как тебе трек? — подметил Курт, как я, чтоб отвлечься от желудочной темы, кошусь на пейзаж сквозь щель в парашюте. Такая бойница могла уберечь от вражеских стрел разве что лежащего арбалетчика, зато представляла серьёзную опасность непоседливым малышам, ускользнувшим из-под родительского надзора. Трасса, открывающаяся внизу, напоминала горную реку на дне каньона.

— Не хуже большинства, — улыбнулся я. — А отсюда — даже очень!..

— А как насчёт безопасности?

— Тоже не хуже прочих, — не стал я проявлять изобретательность в формулировках. — Бывают побыстрее, но и эта не без изюминки.

— Мне кажется, с резиной перемудрили, — наморщил лоб Курт. — Гравийные ловушки без того узкие. А так машина, чем скользить вдоль рельса, мгновенно зароеется в покрышки или того хуже — отскочит куда не следует.

— В Мичигане покрышек не было, — напомнил я, — но Бобу это не помогло.

— Понимаю, — вздохнул репортёр. — Надеюсь, завтра не доведётся проверять справедливость моих опасений.

Однако, руководство Формулы не захотело проводить здесь гонку, расторгнув контракт в последний момент. Хозяева трассы, крупно вложившись в модернизацию, могли прогореть, даже несмотря на заплаченную неустойку. Финал Американской серии — для них просто подарок судьбы.

Штаты накрыл обширный циклон. И прогноз не обещал погожий уикенд в Поконо. В дождь гонки на овалах из соображений безопасности категорически не проводятся. А, согласно заверениям метеорологов, ненастье, приправленное ураганскими порывами ветра, могло затянуться на несколько недель. К тому ж в прессу стали просачиваться слухи, будто какая-то радикальная организация вроде Чёрных Пантер угрожает Лайквуду расправой. Так что обмен «подарками» получился вполне обоюдовыгодный.

— Понавезли поп-звёзд со всей Европы, — перечислял Курт. — Пиво чуть ли не бесплатно. А в качестве основного блюда обещают зрелище: вернуть гонкам былой шарм, интригу, щекочущую нервы. И уже внесён задаток в виде чужой поломанной судьбы.

— Что поделатать?.. — дежурно пожал плечами я. — Автоспорт был и остаётся опасным.

Стоит отдать должное официанту, он появился у нашего столика почти бесшумно, так что мы сперва не заметили поданные напитки. Чему Курт слегка огорчился, поскольку за недолгое время у него явно возникли идеи насчёт развития банкета.

— За скучную гонку?! — предложил он тост.

— В которой все финишируют в том же порядке, как стартовали! — хором произнесли мы и чокнулись.

— Не думаю, что шеф умрёт от счастья, — вернул я на стол почти полный стакан, — если завтра выиграю.

— Убедившись, что не одному выбывшему любимчику по силам водить его самовозку? Разве это не лучший комплимент техническому гению? Если нет, ты спокойно можешь прийти и вторым, Лайквуд же только седьмой.

— Почему тогда не шестым? Или тридцатым? Ведь если он не финиширует первым, мне можно вообще не стартовать. Думаю, такой расклад босса вполне б устроил.

— Поэтому, поделив сумму ваших амбиций надвое, второе место выглядит оптимальным.

— Не убедил! По мне, плотать свежий ветер завсегда приятнее, чем чей-то выхлоп. Нет смысла, как на овале, экономя горючее, лезть кому-то в аэродинамическую тень. По-моему, лидировать здесь не так уж плохо. Или?.. Слушай! Что это за фигня про жёлтого призрака, о котором вещала блондинка? Шеф такую физиономию скорчил, когда спросил, будто я помянул Кого-Нельзя-Называть.

— Наверно потому, что тоже посчитал её вопрос фигнёй, — как-то неуверенно ответил Курт.

— А ты считаешь по-другому? — его притворство (или нет) донельзя разбередило моё любопытство. — Что-то знаешь? Может, зря я в Удавке не поглядывал в зеркала? А теперь меня просто распирает: как его увидеть!..

— Я подсказал способ этого избежать. Хотя, не поверить в него, возможно, тоже выход. Не задумывался, отчего именно к тебе перешло место суперзвёздного коматозника Боба? — неожиданно перевёл он тему.

— Естественно, — пожал плечами я. — Поскольку сам в недоумении. У тебя есть версии?

— Я на минутку, — объявил Курт вместо ответа. К счастью, на вершине Пирамиды Потребностей был свой сортир. — Посторожишь? — протянул он мне свою увесистую кобуру. Фотоаппарат снимать не стал. Чего он там собрался фотографировать? Прицеливается с помощью него что ли?..

Успев набить себе оскомину парой плотков кисло-горького сока, я вернулся к созерцанию видов. Полюбоваться было на что:

Лес сверху напоминал мозг, лениво шевелящий извилинами крон от свежего ветерка. Оба его полушария разделял серый шрам, будто от удара великанской плети. Скоростной участок устремлялся вниз, точно асфальтовый ледник или водопад застывшей лавы. Завтра мчащиеся по нему болиды, наверно, отсюда будут смахивать на пикирующие в землю реактивные истребители. Штопор с Красной Водой в таком ракурсе открываются разве только с вертолёта. С грацией атакующей змеи трасса прорезала ложбину и выныривала с другой стороны уже сытая, вальяжно завиваясь медленными поворотами.

— Спасибо, что присмотрел, — схватил за ремешок своё сокровище вернувшийся Курт.

— А глянуть можно?

— О чём речь?

Расстегнув кобуру, рядом с запасным объективом «Кэнон-Цейс» я увидел целую колоду фильтров, от жёлтых и фиолетовых до затемнённых, подобно визору маски сварщика.

— Собрался фотографировать затмение? — решил я щегольнуть дилетантизмом.

— Скорее мечтаю о нём, — вздохнул на полном серьёзе обладатель чудо-оптики. — Ближе к финишу солнце окажется точно напротив моей «засады». Знаешь, гонку перенесли на попозже из-за временной разницы с вашей Америкой.

— А цветные зачем?

— Хочу поэкспериментировать, поймать на плёнку, что не всегда удаётся отловить плазом. Тем более на такой скорости.

— Ай да сукин сын! — не удержался я его поддеть. — Намерился щёлкнуть призрака, и тебе неловко, что я выступлю в роли живца?

Если что-то с кем-то случается, например, жёсткая авария, большинство не будет вмешиваться, когда есть на

кого спихнуть чужую проблему, а лишь с неловкостью поблагодарят Бога, что их она не коснулась. Другие во чтобы то ни стало попытаются помочь, даже если будут только мешаться. А третьи, повинувшись охотничьему инстинкту, достанут фотоаппарат или кинокамеру. И таких, наверно, насчитается не меньше, чем вторых. Мой приятель явно принадлежал к третьей категории.

Ещё одним прозвищем Вангера было: Портретист Смерти. Он заработал его после того, как запечатлел крупным планом мёртвого Прайса, летящего по старт-финишной прямой Кьялами в неуправляемом Шэдоу. В ту секунду общее внимание было приковано к его незадачливому убийце. Янсен Ван Вуурен из лучших побуждений бросился наперерез пелотону к дымящейся машине, припаркованной с другой стороны, но недооценил скорость... И их с Томом пути роковым образом пересеклись. Мчащийся болид буквально рассёк парня на куски, а вырванный из рук огнетушитель пробил гонщику шлем.

— Я тебе серьёзно говорю, — нахмурился Курт, — не лез бы ты вперёд. Лайквуд вряд ли поднимется выше четвертого-пятого места. Сравни по собственным ощущениям: тут обгонять — не то что в Спа или Монце.

— Там я не прошёл квалификацию, чтобы сравнивать. А сюда меня позвали за другими результатами. Так что в худшем случае ты сможешь только жалеть, что вовремя мне всё не рассказал. Выкладывай: что тебя гложет.

Тем временем принесли еду. Я с завистью глянул на стейк. Крохотная лазанья вряд ли была способна удовлетворить мой разбуженный запахами и впечатлениями аппетит. Курт тут же подсуетился, дополнительно заказав себе какой-то салатик с двойной порцией виски, которую попросил подать немедленно. Его вопрос после некоторой паузы прозвучал для меня неожиданно:

— Тебе знакомо имя: Золтан Раш?

— Золтан?.. — напряг я память. — Вроде, что-то смутно...

— Не трудись. Фамилии гонщиков Второй Формулы мало на слуху. Тем более десятилетней давности.

— Джим Кларк стартовал последний раз на её этапе в Хоккенхайме в том злополучном шестьдесят восьмом...

— До того снискав лавры у Королевы Автоспорта. Я говорю о чуть более поздних временах, когда оттуда в Королевские Гонки стали попадать единицы, а кое-кто до такой возможности по-прежнему не доживал, составляя пантеон, параллельный более именитому.

Он прервался и продолжил речь, лишь когда его требование насчёт виски было исполнено, осушив стакан в один приём, оставив только лёд на доньшке.

— История автоспорта, — откашлялся он, — написана кровью, что делает её историей в подлинном смысле слова и даже больше. Многие ли назовут, скажем, героев вьетнамской кампании? А такие имена, как Аскарри, Кларк, Макларен, Ринд, Петерсон, Вильнёв — навечно выгравированы в человеческой памяти, подобно Ахиллесу Спартаку или Жанне д'Арк. И не только тут, — постучал репортёр себя мясистым пальцем по виску. — Там, где оборвались жизни великих и бесстрашных, сама земля: деревья, стены, асфальт — словно впитали их дух, приобщившись к легенде... Любая значимая трасса имеет собственный мартиролог. Золтан Раш открывает здешний.

Это случилось в семьдесят пятом. Как и недавно, Штайнвальд готовился к подписанию контракта на этап будущего чемпионата Первой Формулы. Для «обкатки» сюда пригласили её «меньшую сестру». Говорят, пожаловал сам Комендаторе, приглядывая молодых да ранних себе в «Конюшню». У Золтана имелось немного шансов туда попасть. Он сам только что пришёл из младшей серии, заменив коллегу, полностью провалившегося на фоне опытного партнёра. И, вроде, поехал быстрее, но постоянно не везло с техникой. Так что судить об истинной величине юного таланта пока казалось рановато.

— Тем не менее он был? — угадал я. — Раз парня посреди сезона выдернули на следующую ступень.

— Не посреди, а ближе к концу, — уточнил Курт. — Дело также происходило осенью.

Стартовав с неплохой позиции, Раш сразу же попал в замес и еле доковылял с повреждённой крышкой до боксов, успев за круг откатиться на последнее место. И тут, как чаще бывает в сказках, на Штайнвальд манной небесной обрушился ливень, которого ждали с самого утра. Уже поставленную резину механики побежали менять на дождевую с протектором, потратив лишнюю пару десятков драгоценных секунд. Но соперники тем временем теряли больше, пытаясь удержаться на гладких шинах, когда асфальт превратился в реку. В шпильке возникла суতোлка, подарившая новичку едва ли не минуту. И пока все доползли и переобулись, он стал первым, отъезжая дальше и дальше. Трудно сказать, то ли дождь, то ли трасса, то ли их сумма, как ничто и нигде, подходили его пилотажу. Соперники стали понемногу отыгрывать, только сменив дождевую резину на свежую такую-же. Лидер тянул с пит-стопом, а потом сразу перешёл на слик для сухой погоды. Теперь они медлили с переходом, надеясь на второй заряд дождя, а Золтан проходил их одного за другим в качестве круговых. На последней остановке в боксах вышла небольшая задержка. Не такая грандиозная, как у его товарища...

Курт нервно помассировал пальцами переносицу, хотя очков я на нём сегодня, да и вообще, не видел. Вспомнив, что неплохо бы закусить, он отрезал и наколол на вилку стейк. Терзая лазанью, я заподозрил: он нарочно тянет, то ли желая известить меня любопытством, то ли боясь вконец испортить мой аппетит, которого и

так уже не было... Не чаял, что уютный ужин больше окажется похож на поминки.

— Раш и Перье — талант и опыт, отвага и расчёт. Тандему прочили славное будущее, — дожевав и промокнув салфеткой рот, вернулся к повести журналист. — Кто думал, что оно окажется столь недолгим...

Золтана выпустили следом за партнёром. Он начал быстро нагонять, не зная, что на самом деле выигрывает у него почти круг. Тогдашнее допотопное радио в кабине лидера барахлило, а до таблички с командного мостика надо было сперва доехать, и тот забеспокоился об упущенной победе. Зато у Перье оно было исправно. И из боксов попросили...

— Логично, — вклинился я. — Удивительно, что у второго ловился сигнал. У меня тоже были сбои из-за местного ландшафта, хотя радиотехника с тех пор, думаю, серьёзно продвинулась.

— Даже догадываюсь, где именно возникли проблемы со связью, — мрачно кивнул Курт. — Золтан настиг однокомандника перед Удавкой, пристроившись в воздушный мешок. После апекса Перье остался внутри поворота, чуть сбросив скорость, чтобы размен произошёл быстрее. Но, наверно, попал на невысохшую лужу. Машину повело в тот самый момент, когда... Их колёса встретились с приличной разницей. А тут ещё дерево!.. Кстати, его видно отсюда.

Только сейчас в поле моего зрения попала подозрительная труба на треноге в шагах двадцати от нас. Нечего сказать, внимательность! Привык, как зашоренная лошадь, смотреть только перед собой. Курт сам вставил монетку и навёл прибор, пригласив меня к окуляру:

— Вот оно. В метрах семи за защитным барьером.

Я узнал этот раскидистый дуб, хотя раньше заметил его с иного ракурса. Выделяясь на общем фоне, он служил неплохим ориентиром, когда начинать переключать руль на выходе из левого виража для захода в следующий правый.

— Тогда ограждение проходило вплотную за стволом, — пояснил Курт, — а спереди его обложили тюками с сеном. Золтан их и не задел...

Всякий водитель знает, самая поганая дорожная авария — лобовое столкновение. Даже если оба участника соблюдают скоростной режим, при ударе импульсы суммируются... В гонках все ездят в одном направлении — и это незыблемое правило, не имеющее исключений. Но оно отнюдь не гарантирует, что скорость в момент катастрофы никогда не превысит ту, с которой гонщик ехал перед тем, как потерять контроль.

Верхняя часть колеса при вращении движется вперёд относительно автомобиля так же быстро, как асфальт под ним проносится назад. И если колёса соприкоснутся, для догнавшего асфальтом становится вращающаяся резина. Машину выстреливает будто из пращи или катапульты.

— Он погиб сразу?

— Нет ни одной причины так не думать, — «обнадёжил» Вангер. — Толстенная ветка — видишь её? — приглянься как раз, где пилотская кабина.

Я живо себе представил, как это могло выглядеть отсюда:

Обтекаемый силуэт подлетает выпрыгнувшей из стремнины форелью и на долю секунды скрывается за пожелтелой кроной. Затем: облако взметнувшихся листьев вперемешку с рыжим пламенем, летящие куски, похожие на части исполинского раздавленного таракана... Фронтальный удар за двести не оставляет шансов...

— Печально, — вздохнул я. Летопись автогонок пестрит некрологами. И кое-кого из их героев я знал лично. А этого паренька до сего момента даже имени не уверен, что слышал... Пытаясь отделаться от гнетущего ощущения, я, вспомнив кое-чего, перенацелил трубу на давешнюю надувную арку. — Извини, малость не в тему. Не подскажешь, что там рекламируют? А то не шибко силён в немецком.

— Вроде, нечто типа синтетического афродизиака, — приблизил глаз к окуляру Курт. — Зачем тебе? Наконец озаботился личной жизнью? Или пыжишься сделать вид, будто тебе неинтересно?..

— Очень интересно! — не стал притворяться я. — Только не понял, где обещанная мистика?

— Так то лишь половина истории. Вернее, четверть. Рассказывать остальное?

— Конечно, конечно!..

После финиша в паддоке и на трибунах царило подавленное настроение. Говорят, Комендаторе был взбешён. Контракт с Формулой так и не подписали. Зато её «младшая сестра», согласно уже заключённому, провела тут ещё три этапа. И через год драма повторилась. Лидера развернуло поперёк в слепой зоне, идущий вторым на полном ходу въехал ему в двигатель — скончался на месте. А первого долго не могли вытащить, при ударе его машина опрокинулась и загорелась. От умирающего в ожоговом отделении впервые услышали про «жёлтого призрака». Естественно, сочли бредом.

— Вот откуда он взялся?.. — пробормотал я, представив, насколько это нелепо и жутко звучало из уст смертельно обожжённого человека.

— И это далеко не конец! — всё больше входил в раж сказителя Вангер.

Третью гонку здесь, ожидаемо и одновременно неожиданно, выиграл Перье. С огромным отрывом. На

подиуме триумфатор был мрачней тучи, отказался от интервью. Но шепнул соседу: «Он всё время преследовал меня...» Так бы и осталось в памяти обронённой метафорой, но по дороге домой в Монако победитель врезался в дерево на своём Ягуаре. Все удивлялись — вне трассы он ездил предельно аккуратно. А тут, судя по замершей стрелке разбитого спидометра, было нереально вписаться в поворот.

— Напекаешь на самоубийство?

— Не я, — поморщился репортёр. — Страховая компания что-то там пыталась... Но, опасаясь ненужной шумихи, всё списали на усталость, плохую видимость, короче — несчастный случай. Второй Формуле предстояло откатать тут ещё один, последний, этап. И первого — прикинь! — завертело опять в том же самом месте, что позапрошлогоднюю жертву.

Преследователь на огромной скорости протаранил ему бок, точно по центру, практически расплющив кокпит. Выжить внутри после такого шансов не оставалось. А второму долго залечивали переломы ног. Встав на них, он так и не покинул больничные стены. Вроде, повредился умом. Всё время твердил, что не отрулил, поскольку перед ним в развёрнутый болид ударила другая машина, выбив с траектории.

— Не знаю, — покачал головой Курт, — как это называют в психиатрии — когда следствие принимают за причину, чтобы справиться с чувством вины.

Кажется, мы, пилоты, давно свыклись с мыслью: что в автоспорте ты можешь не только погибнуть в расцвете лет, но и стать невольным убийцей. Или, если вообразить себя в седле гоночного байка... В плотном трафике ты приближаешься к скоростному повороту. Пытаешься пристроиться в воздушный мешок от впереди идущего. И вдруг тот резко уходит в сторону. У него была ничтожная доля секунды, чтобы среагировать. У тебя её уже нет. Кувырок через руль. Долгий полёт в гравий. И понимание, что отправил тебя в него не чужой упавший мотоцикл, а попавший под колесо человек. С которым четверть часа назад обменялись приветствием, или на прошлой неделе, быть может, поливались шампанским на подиуме. И ты, залечив свои ушибы, переломы, снова сядешь в седло и будешь вновь туда стремиться, обливаясь шампанским уже с другими. А у него — травмы несовместимые с жизнью. Конечно, язва на совести не затянется. Но чтобы после такого доживать век в психиатрической лечебнице!.. Даже полковник Тиббетс спокойно занимается этим дома.

— И не было ни видеосъёмки, ни свидетелей?

— На плёнку инцидент не попал. А очевидцы... Всё произошло слишком быстро. Обычно память восстанавливает такие эпизоды, внося коррективы согласно другим источникам и, разумеется, здравому смыслу. Никаких следов участия в аварии третьей машины не выявили. Однако общий итог был неутешителен: четыре трупа в четырёх гонках и ещё один — вскоре после. Официальная пресса, естественно, не стала заострять внимание на мистической стороне. В ней отражены лишь сухие факты, увы, не такие уж нетипичные для тогдашнего автоспорта. Зато кое-что мне удалось раскопать в жёлтых псевдонаучных изданиях. Да ещё при личном общении. В околोगоночной среде слухи, больше шёпотом, но передавались. Так что видишь, я подготовился.

— Сам-то в это веришь?

— Если мыслить рационально — причин нет. Но чёрт!.. Кто его знает, чего там Золтан успел подумать, летя в дерево и будучи уверен, что его выбил... вернее, убил... собственный товарищ по команде?!

— В сердцах проклял трассу? — попробовал угадать я.

— Честно говоря, я б не сильно его осуждал, — поддержал версию Курт. — В любом случае, забрать вырвавшееся проклятие назад у него времени не оставалось.

— Почему ты исключаешь простое совпадение?

— В мире достаточно скептиков, привыкших всё необъяснимое объяснять исключительно им. И не забывай: четверо из пяти погибших — лидировали! Не мне тебе доказывать, что первая позиция — самая безопасная в гонке. Так отчего на место Мэврика шеф выбрал именно тебя? — снова внезапно перескочил Вангер на скользкую тему и, давая время подготовиться, опрокинул в себя ещё принесённую порцию виски, которую, не помню, когда успел заказать.

— Ну, возможно, по физическим параметрам: рост, вес — мы схожи... — ответил я, видимо, так же неубедительно, как до этого отвечал себе. — Или манерой вождения...

— Где ему было замерить твой рост и вес?.. — Курт пьянел на глазах. — И на твою манеру он плевать хотел!..

— Тогда из-за чего? — сдался я.

— Почём знаю?! Он мне на ушко не шептал. А ты подумай.

Кажется, можно догадаться, куда он клонит, но не решается озвучить первым: Семью я не завёл, карьера близится к закату. Одного молодого и перспективного шеф уже потерял. И не желая повторения, выбрал того, кем не жалко рискнуть?.. Отчего б не посодействовать уставшему от жизни уйти на досрочный отдых?.. Бред! С таким подходом в формулах бы гонялись одни старики и безнадежно больные...

— Другое удивительно, — отогнал я некомфортную, как крошки в постели, мысль. — С чего у меня вдруг всё стало получаться? И приносить удовольствие, которого раньше не было.

— Очень легко! — саркастично осклабился друг. — Теперь твоя машина проще, медленней и лучше прежней (на общем фоне, разумеется). На ней не надо переходить грань, дабы не отстать от соперников. Это приходится делать им.

— Не строй из себя Капитана Очевидность! — кольнула меня обида за Мэврика, создавшего команде чемпионский задел. Может, его дух вселился в меня? Или угнездился в машине... Помнится, в 70-м Фиттипальди выиграл в Уоткинс-Глен на моторе, снятом с Лотуса погибшего Риндта. Но в той истории не было никакой мистики. А после драмы в Мичигане шасси и двигатель, разумеется, целиком пошли на списание. Подо мной оказалась новенькая «с иголки» Лола. Объезженная всего-то пару тестовых дней на Лагуна-Секе. Хотя кто кого объезжал — ещё вопрос. — Легко рассуждать, будучи наблюдателем. А ты попробуй поедь!..

— Твой босс ведь тоже не пилот, даже бывший, а бизнесмен. И тебе не кажется, что история с жёлтым призраком ему знакома? Ни Зебровски с Фирелли, ни Фриц, который Лайквуд — не знают, а он — да.

— Показалось, — задумался я, поскольку в возмущении шефа тем злополучным вопросом на пресс-конференции не уловил ни капли любопытства.

Курт подозвал официанта, вместе со счётом попросив им же прорекламированный эспрессо с неизменным виски.

— Один мой приятель, играя в рулетку, делал ставки на номера погибших гонщиков, — опять, подобно крупье, сменил он тему, — и неплохо приподнялся. Особенно ему везло на тех, чьи обладатели разбились совсем недавно или находились при смерти.

— К чему ты это вспомнил? — по моей спине побежал холодок, как будто ветер незаметно поменял направление на противоположное.

— Смерть — неотъемлемая часть спектакля, — вконец распалил алкоголь красноречие моего друга. — Она незримо притаилась у края сцены, терпеливо, порой годами, ожидая своего выхода. Другие актёры её не любят, и зрителям она, надеюсь, всё-таки не всем по нраву. Но без неё гонки превратились бы в такую же раздутую пустышку, как футбол или олимпийские игры. Вы гоняетесь, не чтобы потешить между войнами самолюбие правителей и охолоса. А противостоите силе более древней, чем само человечество — Року! И, используя новейшие достижения науки и техники, совершенствуя правила, всё равно то и дело ему проигрываете. А кто в азартных играх в выигрыше всегда? Верно — казино! И чем больше теряют игроки — тем больше ему плывёт прибыль. Вот для чего, поведай мне, именно здесь соорудили эту чёртову трассу и никак не угомонятся с идеей проведения на ней Гран При, перекупая друг у друга, вбухивая деньги в модернизацию?!. Иногда мне кажется, Штайнвальд — что-то вроде воронки, притягивающей беды. И почему она забирает лучших?

— Откуда мне знать?!. — бросил я раздражённо.

— Смотрел фильм?.. Запомнил, как называется... Ещё в дохристианскую эру дикими племенами устраивались состязания юношей в силе, быстроте и ловкости. И победителя приносили в жертву богам.

— Хочешь сказать, — фыркнул я, — здесь, внутри Штайнвальд-Ринга, имелся языческий жертвенник? Возможно, прямо под нами, и теперь повар на нём разделяет мясо? А трасса сама выбирает агнцев в человеческом облике и совершает ритуал? Тебе б с твоей фантазией не статьи на последних полосах, а сценарии для Голливуда писать! Я бы не принимал показанное в кино за исторический факт.

— Но что доподлинно известно и задокументировано, — не унимался Курт, — в сороковые здесь находился лагерь военнопленных. Бараки — на месте теперешнего паддока. А где Удавка, брала начало дорога к каменоломням. Представляю, как скользили утренними заморозками на подъёме колодки арестантов. Однажды двое бежали, попытавшись спрятаться и отсидеться. Но по характерным следам на снегу их укрытие быстренько вычислили.

— Из-за тех башмаков?

— Или их отсутствия. На фабрике в нашем городке тоже работали русские, кажется, с Украины. Рано утром я топал в школу, а их колонна маршировала навстречу. И подобную обувь, у кого вообще имелась, работницы все три года проносили в руках.

— Жалел их?

— Обстреливал снежками. Даже нам с приятелями, тогдашней мелюзге, пригнанные казались совсем ещё девчонками. Как-то, на вид самая младшенькая, разозлившись, запустила в меня своей деревяшкой.

— Попала?

— Ей досталось крепче. И на моих глазах, и, боюсь, ещё в лагере добавили. Больше я не кидался. Стыдно и больно вспоминать!.. Надеюсь, всё-таки с ней обошлись не как с пойманными беглецами. Между прочим, казнёнными на том самом дереве! Комендант вешал на нём заключённых, союзники повесили коменданта. А потом об него разбился Золтан Раш. И, возможно, на все эти смерти с равнодушным любопытством взирали одни и те же. Не ожидал, что у названия твоего любимчика-поворота есть второй подтекст?

— Когда ты столько успел раскопать? — оценил я его осведомлённость.

— Готовился к репортажу о «скучной гонке» — натянуто улыбнулся журналист. — Полазил в архивах, полистал материалы трибунала над местными нацистами. Надо же будет чем-то заполнить отведённые под статью полосы.

Принесли счёт. Я еле пресёк попытку друга расплатиться за нас двоих. Доля лазаньи и недопитого сока в общей сумме оказалась больше ожидаемого.

Вечерело. Солнце, погружаясь в городской смог у горизонта, напоминало яичный желток, пролитый на раскалённую сковородку.

— Пройдёмся? — предложил Курт.

Бросить я его не мог. Да и неудовлетворённое любопытство требовало выхода. И мы пологой тропой (не той, которой пришли) зашагали вниз на нарастающий шум праздника.

Прогулка

Басовые динамики, словно исполинские вантузы, нагнетали поп-искусство в подвыпивший народ. Певец андрогинной внешности сотней децибел мурлыкал что-то жутко заунывное. Публика пребывала в восторге! Если так пойдёт дальше, скоро музыка вообще не понадобится. Достаточно будет под монотонный ритм нести со сцены кое-как срифмованную околесицу, и затмишь звёзды.

— Чего наморщился? — пихнул меня в плечо повеселевший Курт, когда мы вновь смогли слышать друг друга. — Можно подумать, сам ты исключительно Моцарта потребляешь.

— Но он меня так не раздражает.

— Каким же ты станешь лет через двадцать?

— Наверно, привыкну.

— А я к твоему Джаггеру так и не привык. И, только не бей, по-моему, это волосатое создание куда лучше попадает в ноты.

— Когда-нибудь за разогрев у Роллинг Стоунз будут давать Нобелевку, — зло отшутился я, понимая, что наши взгляды на прекрасное разнятся так же, как и меню.

— Ты намертво застрял в своих шестидесятих. Акстись! Пятнадцать лет прошло. И мир — разуй глаза! — вовсе не стал хуже! Он, в отличие от тебя, любит новизну. Ты книги читаешь? В кино что последний раз смотрел? — его допрос всё больше напоминал недавний в пресс-центре.

— Уже не помню, когда там был. Да и незачем. Все эти бодибилдеры, воинственные герои меча и магии... Человечество будто загодя готовится к той самой Четвёртой Мировой, которая будет вестись дубинками и каменными топорами.

— Магию забыл.

— Если в нашей реальности уже присутствуют призраки, то почему бы и нет...

Удалившись от концертной площадки, мы попали в царство доступного питания. Возле урны курил потный мулат в мешковатом пятнистом костюме с откинутой рогатой головой-капюшоном, пониже живота болталось грязное розовое вымя. Аромат жареных сосисок мешался с запахом мочи из ближайших кустов. А длиннющая очередь в аквариумоподобное зданье под буквой «М» не давала надежды дотерпеть.

— Займи-ка, — попросил Курт, пристроив меня в другую — за сосисками. Там же разливали пенные напитки из латунных краников. — Грех, побывав на празднике, не испробовать национальную кухню под свежее пиво. Я мигом, — скользнул он глазами по кустам и, вручив мне кобуру и треногу, нарочито неторопливо заковылял прочь.

Я отвернулся, упёршись глазами в широкую спину с цифрами «31». Многие из местных, небось, простодушно полагают: раз Лайквуд — Фриц, значит он их земляк. Или вообще не задумываются, сейчас не до того. У них Октябрьфест! Может, половина этих оболтусов, потягивая алкоголь, только и ждёт, когда один из нас покалечится или убьётся?.. И если дождётся — праздник удался! Будет, что обсудить за той же выпивкой, с фальшивым сочувствием качая затуманенными головами.

Очередь к дымящимся лоткам продвигалась быстрее, чем можно было ожидать. Я начал беспокоиться, что придётся самому решать, чего приобрести для друга. Себе я уже приметил бумажные пакетики с нарисованными яблоками. В противоположность товарищу, меня больше донимала сухость во рту.

Вангер подоспел вовремя. Затоварившись, мы побрели дальше параллельной трассе аллеей, живописно присыпанной палой листвой. Руки моего приятеля теперь занимали одноразовый стаканчик с пивом да булка с сосиской (я всё опасался, что, перепутав спяну, вместо неё он откусит себе палец). Купленный мною так называемый сок был слабоватым противовесом штативу, который Курт, естественно, так у меня и не забрал. Зато напиток из разведённого концентрата оказался в разы вкуснее недавней горькой кислоты по цене односолодового виски. Просто, приемлемо и... «Быстрота верней, чем кайф. Наш девиз: фаст фуд — фаст лайф!» — само-собой родилось мозгу. Почему б не взяться сочинять рекламные слоганы, если доживу до послезавтрашней «пенсии»? Вполне созвучно гонкам и не так мрачно, как знаменитое: «живи быстро — умри молодым». И уж точно не пошлее мужика с выменем.

— Хочешь, познакомлю с дочкой? — предложил жующий Курт. — Правда, предупреждаю, она помолвлена. Вообще-то вы с ней знакомы, — добавил он. — Помнишь мою малышку?

— Так ей же было года три тогда!..

— Четыре. А ты выиграл юниорский чемпионат штата по картингу.

Теперь, с расстояния прошедших лет, это достижение виделось не значимей, чем победа на школьном поэтическом конкурсе. А в тот момент, наверно, я чувствовал себя самым счастливым на свете. Давно позабыл, каково это. Получится ли завтра вспомнить?

— Семья воссоединилась? — попробовал я порадоваться за него. — Помнится, ты разводился...

— Как видишь, это не помеха. Когда общение перестаёт быть обязательным, оно становится просто приятным. А у тебя какие новости на личном фронте?

— Никаких.

— Что-то быстрый парень тут отстаёт.

— Представь, — решил я излить ему опробованные на себе оправдания, — какой-нибудь пацанёнок из гетто грезит не баскетболом, а гонками. И тут видит по телеку или узнаёт из газет, что приключилось с беднягой Бобом. Вряд ли после этого он будет всё так же ему завидовать. Вот и мои друзья, женившись на красотках, на текущий момент либо развелись, либо превратились в скучных обывателей. А кто-то умудрился совместить первое и второе. В межсезонье пытался с ними встретиться, но у них оказывалось столько дел, либо так устали... Я перелетал через Атлантику, а они не могли оторвать задницу от дивана.

— Завидуешь им? — уловил в моих жалобах пронизательный журналист.

— Учившимся ради каникул, работавшим ради субботы, а теперь приходящим к мысли, что живут в общем-то ради смерти? Ты прав, я ничем их не лучше. Порой кажется, что я не занялся чем-нибудь иным лишь потому, что оно б у меня получалось ещё хуже.

— Брось прибежаться! — выкинув салфетку, хлопнул меня Курт по плечу, едва не расплескав мне сок. — Разве сегодняшним поулом ты не доказал, что чего-то стоишь? Хотя бы самому себе.

Никто не умеет испоганить настроение так, как близкие друзья. Они предпочтут доверительно сообщить тебе самую неприятную правду. А если и солгут, дабы не обидеть, то специально сделают это таким образом, чтобы ты без труда распознал ложь.

— Ты ведь прекрасно знаешь, — скривился я, — что это достижение продержится в памяти фанатов ровно до завтрашнего старта. И если финиширую хоть на позицию ниже, в их глазах навечно останусь лузером, упустившим верный шанс.

— А в собственных?

— Не понял...

— Твоя проблема в том, что ты всегда ставил планку немного выше, чем реально мог взять.

— Разве это неправильно? А как иначе чего-то добиться в жизни? Тем более в спорте...

— Прекрасная формула для манипуляции: заставлять выжимать из себя все соки в угоду кому-то, всё время чувствовать должником, который где-то что-то постоянно недодаёт. В твоём случае это привело к тому, что ты привык проигрывать, и уже реальные цели воспринимаются тобой, как та самая не берущаяся планка.

Вот именно! Такое везение, как сегодня, обычно не растягивается на два дня кряду. Разве у великих чемпионов. Но не у простых смертных!..

— За этим ты рассказал про всех тех погибших гонщиков? — сорвалось с моего языка.

— Это был мой долг, — услышал я вместо логичного «ты же сам попросил». — Дальше тебе решать. Не хочу, чтобы ты стал его добычей, но ведь всё равно не слушаешь... — мне показалось, мой спутник заснул на ходу. Но он просто подбирал слова. Описать то, что, очевидно, не часто являл белому свету. — Однажды, — наконец вернулся к нему дар речи, — на моём рентгеновском снимке оказался брак, который приняли за опухоль. Несколько дней я был почти уверен: мне осталось полгода максимум. И знаешь, эти дни я вспоминаю, как самые счастливые в своей жизни. Никогда не получал от неё столько удовольствия, жадно впитывая любые мелочи — щебет птичек, шелест листиков, тень от облачка. Чёрт! Как бы я хотел вернуться в то состояние, но не уверен, что в нём можно долго пробыть и не рехнуться. А вашему брату как-то удаётся. Отсюда моя к тебе жгучая зависть. Даже сейчас... Что-то я перебрал, — пыхтя, журналист глянул на часы. — И дочка давно ждёт в машине на стоянке. Присоединись к нам? — кивнул он на проходящий под трассой тоннель, напоминающий прямоугольный зев с высунутым растрескавшимся языком-пандусом.

Донёсся грохот, будто оттуда вот-вот появится танк времён Второй Мировой. Но выкатилась толкаемая мороженщиком тележка. Надеюсь, завтра эхо не станет так надо мной шутить!..

— Спасибо, — протянул я другу-фотографу треногу. — Вам и без меня найдётся о чём пообщаться. Лучше прогуляюсь ещё. Как пройти к тому дереву?

— Найдёшь. Место популярное. Не спутаешь. Ну, бывай, коль не передумал, — подмигнув на прощание, Курт заковылял в пасты-туннель, царапая ножками штатива без того покоцанный асфальт, и медленно растворился в полумраке, плохо освещённом тусклыми лампочками.

В душе тенью мелькнуло недоброе предчувствие, которое я поспешно отринул. С какого мы виделись последний раз?! Завтра же гонка! И наше обоюдное присутствие на ней обязательно.

Продолжение прогулки

Впереди, где дорожка загибалась вправо, замаячил просвет. Теперь закатное небо у горизонта напоминало обглоданную корку неспелого арбуза. На востоке стремительно темнело. Будет-таки обещанный дождь, или нет? Незаметно включились фонари.

Аллея плавно поворачивала с запада на север, а пологий подъём перетёк в спуск. Я вышагивал, убыстряя темп и пытаюсь изгнать невесёлые мысли из головы, но вместо них её заполнял какой-то тарабарский марш: Штайнвальд, Бухен-вальд, Ауш-витц — похоже на адскую считалку, исполняемую кандальной цепью. Показалось, иссохшие листья под ногами хрустят, как снег под растёртыми до кровавых мозолей ступнями подневольных работниц, или как кости мертвецов, вытесненные на поверхность из братских могил. Миниатюрная старушка Европа, сколько ж зла ты успела принести себе и Миру!

— Мистер!..

Я обернулся. Ко мне, догоняя, семенила босоногая хиппи в рваных джинсах, страшно лохматая и с невероятно милым лицом.

— Угостите даму пивом? — порывшись, извлекла она из урны и протянула кем-то уже использованный бумажный стакан.

— Если только соком... — растерялся я.

— Так вы этот?.. Вегетарианец?..

— Не знал, что в состав пива входит мясо. Хотя... Чего только ни придумают. Коптить его уже научились.

— Ну... Или этот. За здоровый образ?..

От неё попахивало травкой и веяло беззаботностью. Может, это и правильно? Прожигать жизнь уютным огоньком, согревая себя и окружающих. А надоест — задуть и превратиться в успешного юриста или фармацевта, (к слову, у неё был неплохой английский, хоть и явно не родной) либо стать домохозяйкой при успешном юристе или фармацевте. А кто-то, всё без остатка посвятив главной цели, в один прекрасный день размажет себя об стену!..

— Так поделитесь, или нет?

Я отлил ей сока в стакан, и мы беззвучно чокнулись картонными ободками. Нам оказалось по пути. Ей явно доставляло удовольствие растирать чумазыми пятками в крошки о мостовую палую листву, будто тонкие чипсы.

Внизу слева в промежутке крон показалась Удавка. Лента сухого асфальта бледнела в сумерках раскатанным по склону вниз рулоном гигантской туалетной бумаги. С противоположной стороны над рельсом отбойника мрачно нависали десятиметровые скалы, будто сошедшие с расписного задника к опере Вагнера.

Спустя какое-то время мы упёрлись развилку. Левая дорожка лесенкой спускалась к освещённому пяточку у самого ограждения. Подсвеченная фонарём крона могучего дуба в его центре напоминала костёр, приглашающий путника скоротать ночь в тёплой компании. Но в круге света ничьё присутствие не наблюдалось. Оттуда веяло покоем и торжественной тишиной, как... Я сообразил, что это и есть то самое место.

— Решили меня проводить? — прощепетало над ухом. — Спасибо. Не стоит...

Я успел забыть про свою спутницу, которая с упорством продолжала шлёпать рядом. И теперь нарисовала себе, дескать, это я с ней увязался.

— Нет, — сухо развеял я её опасения. — Мне всего лишь тоже туда надо. Слышали о гонщике, который там разбился?

— Правда? Жалко... — показалось, вполне искренне огорчилась она. — Когда?

— В семьдесят пятом.

— Нет, не слышала. Вообще я в гонках не очень шарю... Просто за компанию с ребятами здесь тусуюсь. Им нравится, а я не понимаю. Шумно. Так ещё, выходит, и опасно...

— Разве девушкам не по сердцу рискованные парни? — выдал банальность я.

— Не больше, чем им сумасшедшие девчонки, — прозвучал ответ в том же духе.

Сумасшедшие?.. Считали ли мы себя теми, кого сейчас упомянули? В глазах окружающих скорее всего таковыми и являлись. А в моих — она, совсем не напрягаясь, отправила нервно курить в угол всяких гламурных дамочек, смешно вылезавших на шпильках из люксовых авто. Чьи потуги пробуждать к себе всеобщую зависть лично у меня вызывали лишь раздражение.

Мы подошли к дереву. Удивительно, но мою спутницу оно, похоже, интересовало не меньше. При том, что девчонка до сего момента ничего не знала о Золтане. Может, она — активистка «Гринпис»? Я слышал, «Зелёные» не позволили провести вырубку, которую планировали при реконструкции в целях повышения безопасности. Гравийные зоны, на что сетовал Курт, получились узкими в том числе из-за этого. И теперь Удавка стала круче, а скорости выше. Прогресс не стоит на месте.

Искомая ветвь протянулась метрах в четырёх-пяти над землёй параллельно ей, дальним концом почти ложась на сетку ограждения. Могучая, толщиной у основания обхвата в два. Более мелкие отчего-то росли из неё только с одной стороны, образуя нечто похожее на скрюченные пальцы руки великана-кукловода, страдающего артритом и прочими недугами конечностей. Я представил свисающие петли, и мне показалось, что различаю вдавленный след от верёвки. Наверняка обознался. Даже шрам после удара машиной затянулся. Кора напоминала засохшие болячки. Но так было по всей поверхности. Сюда ли вообще влетел Золтан?..

— Лу! — неожиданно возник из-за ствола парень, застёгивая на ходу ширинку. — Айда! Мы достали нормальную выпивку.

Захотелось ему врезать, оставив гадать, за что. Но, наверно, он отличался от большинства людей в худшую сторону не больше, чем для него это дерево отличалось от остальных. Потому я просто указал на замеченную-таки мной неброскую мемориальную табличку.

— Вот дерьмо! — сконфузился он. — Простите! Неловко вышло... Ваш знакомый? — по-своему истолковал юноша гнев, написанный на моём лице.

— Сегодня узнал, — кивнул я. — Просто коллега.

Имён повешенных заключённых и тем более коменданта здесь увековечено не было. Информация же о пилоте ограничивалась именем с фамилией и датами рождения и трагической смерти. Никаких эпитафий, никакого руля, перчаток или что там полагается... Насчёт цветов, видимо, тоже никто, включая меня, не догадался.

— В смысле? — переспросила Лу. — Так вы гонщик?

— Он самый, — я начал жалеть, что из-за моей болтливости всплыла эта тема.

— Ты идёшь? — поторопил её приятель. — Видишь, мистеру не до нас. Мы ему мешаем...

— Ничуть, — возразил я. — Собственно, уже посмотрел, что хотел.

— Ступай, — велела парню девчонка. — Я догоню.

Она деловито прошлась вокруг ствола, подпрыгнула, ухватившись за ветку, и подтянулась, упёршись пальцами ног в складки коры.

— Не советую, — ворчливо предупредил я, решив, что она присматривает позицию для наблюдения за завтрашним шоу. — Охрана будет гонять, да и с вашего холма побольше видно, — хотя и оттуда могут турнуть, чтоб не портить впечатление чопорным VIP-ам.

— Что-то вы не в духе, — её чёрные пятки раскачивались уже над моей головой. — Не вешайте нос. Сегодня не подфартило — завтра повезёт.

«Скорей может наоборот случиться, — мрачно подумалось мне. — Сильно наоборот!..»

— Ребята говорят, тут не как в Формуле, — она оседлала ту самую роковую ветвь, затем встала на неё — сперва на четвереньки, и вот уже в полный рост прошлась по-кошачьи грациозно туда-сюда, обхватывая ступнями шершавую кору и почти не придерживаясь за веточки повыше. — Место на старте мало что значит. И на финише последние могут стать первыми.

— Это меня и беспокоит, — улыбнулся я её просвещённости. — Особенно тот, кто на шесть позиций сзади.

— И как его имя? — ловкачка прошла почти до конца, балансируя над самой сеткой.

— Не скажу, а то ваши побьют! — я испугался, что она сейчас кувырнётся на ту сторону и провалится в уложенные одна на другую покрышки, будто в колодец. Без посторонней помощи её оттуда точно будет не выковырнуть.

— А на ушко? — почти бегом вернулась она. — Ловите! — и прыгнула.

«Так ведь и пальцы вышибить можно, — от неожиданности подумал я, поймав её, — или запястья...». Впрочем, на поверку девичий вес представлял ещё меньшую угрозу моим суставам, чем казалось с виду.

— Так кто он? — уже поставленная на траву пигалица не торопилась высвободиться из словивших её рук.

— Некто Фриц Лайквуд, — тихонько сказал я, — любимец местной публики под номером «тридцать один».

— Ясно, — шепнула она. — Сделай этого фашиста! — и неожиданно чмокнула меня прямо в губы...

Её рот четверть часа назад касался стаканчика, вытащенного из урны, а ещё до того (что значительно хуже!) посасывал сигарету с марихуаной. Хотя... Сигарета вполне могла быть и обыкновенной, просто табак ароматизированный. Я вообще тут мало чего понимаю, поскольку не курю, запрещённые вещества — подавно. А микробы на бумажном ободке угрожали нам обоим не больше, чем тому, кто воспользовался одноразовой посудой непосредственно перед. Отчего ж тогда в голове зашумело, будто я опрокинул в себя виски объёмом, превосходящим употреблённый пьяницей Куртом?.. Перед завтрашней гонкой!.. Может оттого, что на её губах чувствовался вкус жизни?..

— Он не фашист! — мягко отстранил я девушку. — Не разбрасывайся такими словами.

В гонках, как на рыцарских турнирах. Разве шлемы прочнее и легче, в роли доспехов огнеупорные комбинезоны, и под седалищем не породистый скакун, а целая конная армия лошадиных сил. И так же, как сломанным копьём, может пробить забрало рычагом подвески, в одно мгновение превратив потеху в трагедию.

Вот только вместо прекрасных дам сердца — спонсоры и боссы топ-команд. Почему б не исправить несоответствие? Лучше рискнуть во имя прелестной незнакомки, чем шефа, для которого выиграет «его машина», а облажаешься ты сам. Правда, на моём шлеме отсутствует султан, куда привязать какую-нибудь из её фенечек. Но придумал кое-что получше.

Показалось, целая толпа осуждающе забарабанила пальцами в стекло. Но это всего лишь с нарастающей частотой ударили капли по листьям. Долгожданный дождь, как водится, зарядил внезапно.

Мы припустили вверх к развилке. А потоки со всей округи щедро устремились нам навстречу. Мои «парадные» туфли походили на баржи, которые то топили, то поднимали со дна полные воды и грязи. Её же в минуту отмывшиеся и побелевшие ноги напоминали юрких рыбок, спешащих к речному истоку.

Преодолев бурлящий подъём, мы зашлёпали по главной аллее сквозь строй жёлтых призраков. Расплывшиеся в мокрой пелене фонари в светящихся ореолах смахивали на гигантские леденцы на палочке. А ближе к концу, будто их начальник, наблюдающий из укрытия между деревьев — поджидала просторная апельсинового цвета палатка, сквозь которую светили фонариком. Вжикнула растёгиваемая молния.

— Лу! Мы тебя потеряли! Где ты застряла? — донеслось из-под приподнятого полога. — Давайте сюда! У нас есть чем погреться...

— Слыхал? — потянула она меня за мокрый рукав. — Нас приглашают.

— Как-нибудь в другой раз, — выдал я общепринятый синоним слова «никогда».

Мы снова чмокнулись, и она, махнув мне рукой, нырнула в полупрозрачный желтеющий кокон, внутри которого наблюдалось оживлённое шевеление.

— Может, завтра!.. — не уверен, что мой крик был слышан через барабанную дробь капель о нейлон.

И я захлопал дальше к уже виднеющемуся мосту на сторону паддока. Ливень стихал. Намокшие листья приклеились к мостовой, будто марки к письму, которое не один раз обогнуло свет, а незадачливый филателист так и не смог их отпарить от конверта. Посланье не дошло, и адрес стёрся...

По законам «взрослого» жанра, наше знакомство должно было кончиться страстной любовной сценой, а не коротеньким поцелуем. Но я ощущал себя счастливым, как первоклассник, впервые поднёсший до дома портфель самой красивой девчонке, как замухрышка-ботаник, приглашённый на белый танец королевой бала. Наверно, так приходит старость, чем-то похожая на детство. Когда перестаёшь записывать на видеокассеты все подряд интересные передачи, ежедневно фотографировать закаты и мечтать жениться на каждой встречной красавице — короче, пытаться растянуть, продлить до бесконечности то, что на самом деле длится мгновение, как, собственно, и сама жизнь. И окончание очередного её дня, определённо, выдалось не самым плохим. Вот только в честь чего такой подарок?.. Или компенсация...

Ночь накануне

Добравшись до номера, я стянул с себя всю мокрую одежду (то есть абсолютно всю), кое-как побросав на стул — утором она точно не понадобится. И, поставив будильник, зарылся в одеяло с надеждой отключиться хотя бы через час. Не дай Бог приснится авария! Почему-то в сновидениях они пугают больше, чем наяву. Может оттого, что видишь их в одиночестве и не с кем разделить горе и ужас — трибуны там отчего-то всегда пусты. Или из-за отсутствия брони цинизма, не пролезающей в бессознательное. Курт провёл массируемую «артподготовку», увеличивающую вероятность подобного просмотра. И всё-таки в моём случае любой ночной кошмар предпочтительней бессонницы.

Звонок раздался, когда я давно закрыл глаза и мысли уже начали слипаться в вязкий бесформенный комок. Включив лампу и нашарив трубку, я, ещё до того как на том конце провода заговорили, по одному дыханию понял, кто спугнул мне и без того неважный сон:

— Здравствуй, мам! — попытался изобразить радость я. — Нормально. Откуда у тебя этот телефон? — существование которого сам только что заметил.

— Твой менеджер, — (бывший), — подсказал, где разузнать, — возможно, такова была изощрённая месть за то, что даже не вспомнил о нём, когда его услуги чудесным образом вновь могли оказаться полезны. — Видела тебя в новостях, — в её голосе также не чувствовалось особого счастья. — Ты что? Подписал новый контракт и теперь будешь гоняться на этих ужасных овалах? Как вспомню того чернокожего паренька!.. Про него сегодня тоже много говорили. И показывали....

— Всего на один этап, — слово «пока» я не стал прибавлять. Теперь и мне оно виделось мало чем подкреплённым. На месте шефа его бы произнёс любой. В таких отношениях вес имеет только бумага, подписанная, желательно, паркеровским золотым пером.

— Я очень волнуюсь.

— Перестань! Скучная европейская трасса.

— Во сколько за тебя скрещивать пальцы?

Перед койкой Боба собрались установить телевизор с большим экраном. Во время трансляции миссис и мисс Мэврик — типичная негритянская мамаша с дочкой-сестрицей — обещали держать его за руки. А у дверей палаты непременно будут дежурить настырные журналисты в ожидании сенсации. Какой вульгарный цинизм!

— Когда ты проснёшься, уже станут известны результаты. Сама понимаешь, временная разница... Если захочешь, в повторе посмотришь.

— Хорошо. Удачи тебе! Отец привет передаёт... И братья... Знай, мы все тебя очень любим!..

Чёрт возьми!.. Звучит, как «прощай».

— Я тоже вас всех-всех люблю!.. Целую!..

Она гордилась мной, когда я, вместо того чтобы злоупотреблять спиртным и баловаться наркотиками, как делало большинство моих сверстников — старшекласников, а потом студентов — не забывая примерно учиться, стал уделять внимание физической форме, приносить домой кубки. А спустя годы, должно быть, испытывала облегчение, когда я не проходил квалификации, что пусть и не добавляло гордости, зато дарило спокойную ночь с субботы на воскресенье. Интересно, не пришла она ещё к мысли, что выпивка и травка всё-таки были бы предпочтительней для её ребёнка?

В отмытом снаружи окне сквозь промежуток жалюзи подглядывал отразившийся глаз включённой настольной лампы, словно... Чёрт!.. Как эти жёлтые призраки за сегодня надоели!.. Хочешь просветить меня насквозь?!.. Убедиться: вдруг мой «рентгеновский снимок» не бракованный, а самый что ни на есть достоверный?!..

Это похоже на русскую рулетку. Разве барабан побольше, но как минимум один патрон в нём по-прежнему есть, и рано или поздно: хоть через пять, десять лет — он выстрелит в кого-то из нас. Если в любой другой сфере трагедии (от дорожных аварий до авиакатастроф) происходят по недоразумению: из-за технических неполадок, грубого несоблюдения правил, головотяпства, пьянства и так далее — в гонках они в порядке вещей. Даже когда всё исправно и пилот предельно сконцентрирован... Одним прекрасным днём составляющие невезения сложатся вместе, как комбинация в лотерее. Этаким джекпот наоборот!..

Верно подметил Курт — смерть, неотъемлемая часть шоу, вишенка на торте. Ритуальные жертвы, принесённые асфальтовым гидрам, чтобы восславить последних. Все эти: Тамбурелло; Красная Вода; Monza la tragica, Monza la tragica — кровожадные хищники. Отчего, правда, всем кажутся только прекраснее в своей дикой необузданности. И похлеще рекламных афиш интерес у публики возбуждают некрологи пилотов. Судьбы обрываются, чтобы сериал не прекращался...

Теперь и я готов сдохнуть, развлекая толпу?!.. Или утолив извращённую алчность какого-то призрака?!.. Чем, в таком случае, Боб лучше меня?!.. Тем, что парой этапов раньше вплотную приблизился к этому, оставив за мной

последний маленький шагок?!

Внезапно накатила неуместная тоска по тем субботним вечерам последних лет с внутренней пустотой и ощущением собственной ничтожности, обещанием себе не смотреть... И жгучей завистью. Например, к Риккардо Палетти, которому повезло чуть больше — ровно настолько, чтобы в воскресенье, разогнавшись с конца решётки, успеть набрать скорость перед фатальным столкновением с заглохшим на старте лидером...

Теперь завидуют мне. И я должен убится, но оправдать их зависть?! Хотя присяги не давал. И в контракте не прописана обязанность добывать очки себе и кому-либо ценой жизни.

Всегда симпатизировал пацифистам, истинными героями бессмысленных войн считал дезертиров. А те, кому пропаганда сумела внедрить в доверчивые головы иные ценности? Солдаты, чьи имена мало кто помнит! Кого посылают заживо гнить в джунгли и пустыни лишь затем, чтобы правильная задница ещё несколько лет грела нужное кресло, например, в Овальном кабинете. Они мрут во имя высшего проявления дерьма, именуемого политикой, а о дерьме у здоровых людей принято стыдливо забывать. Когда тебе предлагают сдохнуть героем, выбора у тебя ещё меньше, чем при назначении на новую должность, или приглашении в команду-фаворита...

Так лучше уж под прицелами десятков телекамер, на миллионах телеэкранов. Не ради чьих-то толстозадых амбиций и даже не на потеху толпе. А приняв вызов сразиться за собственную, уже казавшуюся несбыточной, мечту. Ну и, конечно, отстаивать справедливость по отношению к одному темнокожему пареньку. Который, правда, свершилось оно, не факт, что об этом узнает...

ВОСКРЕСЕНИЕ. ГОНКА. Подготовка к старту. Прогревочные круги

К утренней тренировке трасса достаточно подсохла, чтобы ездить на сликах. Гоночный инженер предложил подкрутить антикрылья, уменьшив угол атаки, дабы соперники не воспользовались слипстримом в конце стартовой прямой.

— Тут и так обгонять негде. А в Удавке от них оторвусь, — рисковать потерей сцепления там мне казалось самоубийством. Особенно после вчерашней лекции и экскурсии.

— Думаешь, никто не просёк твой финт с отпусканьем газа? — встрял босс.

Для его сомнений, оказалось, были основания. На вормапе наша машина в итоге стала лишь девятой. Шеф, разумеется, объявил журналистам, что поводов для беспокойства нет. Но тень того самого беспокойства читалась на его хмурым лице.

— На четвёртом отрезке ты терял полсекунды против вчерашнего, — украдкой от него шепнул инженер, протягивая шлем с врисованным по моему заказу пацификом в нолик двадцадки. — Что-то не так? Или просто осторожничал?

Я молча кивнул. Он угадал: встретиться с пресловутым призраком ещё до старта мне абсолютно не улыбалось. А после?..

Натянув комбинезон, я вступил в косой ромб света, падающего сквозь проём поднятых ворот внутрь бокса, слабо освещённого в контраст с залитой солнцем улицей. Лесистая возвышенность за стартовой прямой блестела золотом, словно неприличных размеров груды сокровищ. Пит-уолл отбрасывала глубокую тень на пит-лейн, деля пелотон на светлую и тёмную сторону. Читал, что именно на Штатовских овалах впервые додумались ставить защитную стену между старт-финишной прямой и параллельным ей участком, вдоль которого проводится обслуживание машин по ходу гонки (так называемый питстоп), и на котором перед стартом разместились наши пока не оживлённые стартовыми болиды.

Мой, цвета воронёной стали, наполовину захваченный тенью, напоминал переевшую чёрную акулу. В чей раскидистый хвост-крыло смотрела морда аллигатора на обтекателе Зебровски, уже втискивающегося в нутро своего зелёного «коня». Настала и моя очередь, выдохнув, погрузиться в акулье чрево и, вытеснив из лёгких остатки воздуха, помочь механикам застегнуть ремни.

Наверняка не мне первому приходит мысль, что гоночный кокпит, как по форме, так и по комфорту, смахивает на дорогой, тщательно изготовленный по мерке гроб. Только сперва в него запикивают, а потом уже судьба решает — казнить тебя или миловать. Ну, и незначительная, но приятная деталь, вместо заплаканных родственников, целующих в хладный лоб, над тобой, чтоб не протух раньше времени, держит зонтик миловидная улыбчивая грид-гёрл. Интересно, не возникло ли у неё желание поцеловать авансом? Впрочем, сквозь шлем уже не почувствовать тепла ярко накрашенных губок.

Признаться, я редко смотрю в зеркала. Точнее, куда чаще, чем хотелось бы... Но если кого в них и вижу, то соперников, а не себя. Они не предназначены для самолюбования. Попробую описать собственный портрет по памяти.

Итак, начнём с самой заметной детали, а именно — шлема. Шеф хотел, чтобы я выбрал дизайн, использованный Мэвриком. Но я остался верен своей двадцатке, лишь поменяв цвета цифр и фона местами. И в нолике разместил не смайлик, а пацифик. Правда инженер-художник решил немного поглумиться, изобразив его сложным из костей. Типа тех, что украшали костюм Энтвистла во время рок-фестиваля на острове Уайт. Мне довелось там побывать и едва не оглохнуть. А говорят, это наши моторы громкие. В компании с негласно обязательной для всех надписью «мы с тобой, Боб» этот полупиратский символ смотрелся ещё более зловеще.

Комбинезон заслуживает куда меньше внимания, поскольку логотипы личных спонсоров начали покидать его задолго до моего перехода сюда из Формулы. Кажется, на спине сохранилось название какого-то инвестиционного фонда, но какого именно — сиденье машины, пожалуй, знает лучше меня.

Раз уж я — не единственное действующее лицо, стоит описать и внешность соперников. Про пасть ягуара на голове Лайквуда вам уже известно. Шлем италю-американца Фирелли, подобно челу римских цезарей, опоясывал лавровый венок, что придавало ему сходство с непропорционального размера блестящей лысиной. А Зебровски, поскольку, как принято у выходцев из Восточной Европы, строил из себя яркого антикоммуниста, украсил пластиковую макушку громадной пятиконечной звездой.

Наконец отзвучала команда: «...заводите ваши моторы», и наша пёстрая вереница, подобно рыбьему косяку вверх по горной реке, покатила за пейс-каром, как за жожаком.

В телекомментариях и пресс-релизах наверняка будет упомянуто, что повороты трассы не имеют

официальных названий, только номера. Но чтобы лучше ориентироваться, им дали следующие прозвища:

Первый — видимо, архитекторы долго ломали голову, как организовать безопасный выезд с пит-лейн на внешней стороне, и получилась такая загогулина, именованная Тянучкой. Впрямь чем-то похоже на надутый пузырь жевательной резинки.

Второй окрестили — Квазимодо Нотрдамский. Ясно дело, из-за схожести с горбом.

Третий — Барби. Ещё более нелепый и медленный, чем Тянучка.

Четвёртый — Фастфуд. Светящаяся «М» над аляповатым зданием внутри и очереди к бесплатным туалетам делают объяснения излишними.

Связка шикан — Клинья или Кардиограмма. Достаточно увидеть конфигурацию, и вопросы мигом отпадут.

Таран — тут нужно представить часть носа ниже ватерлинии у эскадренного броненосца рубежа XIX–XX веков, и в воображении легко возникнут его очертания. Ещё больше он походит на тропический клюв моего друга Курта, только не все обитатели паддока имели счастье близко делить с ним компанию.

Про Удавку уже сказано.

Предпоследний — почему Кипяток? Потому что тупоугольный стоградусный. Ну да, странная привычка одинаково мерить температуру и углы. Интересно, как бы с таким подходом назвали бэнкинги Индианаполиса? Думаю, «Спирт».

И заключительный — Посошок, и правда напоминающий рукоять посоха какого-нибудь волхва. К тому-ж, наслышан, так у русских называют последнюю рюмку перед тем, как покинуть застолье.

Для нас же всё только начиналось. Погасивший огни Порш нырнул на пит-лейн.

Старт. Жёлтые флаги. Круги 1-4

А я по неопытности проспал момент, когда давить на газ. И пульс, наверно, подскочил с опозданием. Стартующий рядом Фирелли пересёк черту почти параллельно со мной и спустя сотню метров просунул нос вперёд, понемногу отгесняя с выгодной траектории перед нырком в Тянучку. Едва не пришлось блокировать колёса, чтобы вписаться.

Вот и второй! Это я так хотел?.. Или просто облажался?..

Но спокойно! Главное не забывать: в первых поворотах гонки не выигрываются. Итальянец тоже об этом помнит, сразу не отрывается, доверив мне заботу о безопасной дистанции. Надеюсь, задние, начиная с Зебровски, тоже о ней не забывают. Неприятный нюанс: за последние годы я отвык следить за тылами на первых кругах, вспоминая о них, лишь когда пелотон растягивался и меня один за другим съедали на круг.

Так что там сзади? Я глянул в зеркало. Перед Барби наблюдалось столпотворение, похожее на дорожную пробку в какой-нибудь стране третьего мира, где не шибко уважают правила движения. По обочине клубилась белёсая пыль. Жёлтые флаги! Чья-то машина замерла в гравии кверху брюхом. Сердце ёкнуло постыдной радостью, когда глаз приметил такого же цвета яркий воздухозаборник.

Можно не торопиться. Фирелли сбросил газ сразу за Кардиограммой. Спуск после Тарана мы преодолели, как пешеходы, семенящие по ледяной горке, присыпанной песком, но всё равно опасаящиеся поскользнуться.

— Скотт Лорд вынес Фернандо Гонзалеса, — сообщило радио. — Пейс-кар на трассе.

Ага. Двое, значит, самоустранились. «Жёлтый призрак» Лайквуд расчищает себе дорогу. Из-за его фанатов главная трибуна выглядела более по-осеннему, чем просто земля на склонах между наполовину облетевшими деревьями, оккупированная публикой попестрее. И тридцать первый мог, не торопясь, насладиться овациями в свой адрес. Вряд ли они предназначались нам с Себастьяном, и уж точно не мне.

Мерцающий огоньками Порш дождался в конце прямой, чтобы возглавить экскурсию к месту аварии. Из пострадавших машин там осталась только одна. Другая смылась своим ходом. Нетерпеливый Скотт на торможении перед шпилькой просунул переднее колесо под заднее мексиканца, отправив того кувыркаться по гравии. Я был уверен: жертва больше пострадала морально. Так и есть! Выбравшийся Фернандо, живой и невредимый, уже отпихивает маршалов, приглашающих за отбойник, чтобы погрозить обидчику кулаком. Но снова разочарование — Лорд поехал менять носовой обтекатель.

Лайквуд уже пятый. Маячит в зеркале, с этого ракурса похож на пылесос Кёрхер. Спустя ещё круг, пока обездвиженный автомобиль эвакуировали при помощи подогнанного крана, он вслед за виновником стартовой заминки неожиданно свернул на пит-лейн. И с ним увязалась целая вереница — переобуваться. Смена тактики? Не исключено, что и разумно. В Американской серии так частенько поступают. Возможно, тут больше дело в топливе чем в шинах. Хотя и для них старт — довольно стрессовая ситуация. К тому ж многим, включая Фрэнка, пришлось экстренно тормозить или объезжать по гравии — что, естественно, не лучшим образом отразилось на колёсах. А так на рестарте они будут свеженькие. Но поздно следовать чужому примеру. Издержки высокой позиции, которая, в отличие от Формулы, здесь ничего не гарантирует.

Фриц вернулся на том же месте, но уже на новой резине и заправленный под завязку. Может, Лайквуд и мерзкий тип, но в чутье ему не откажешь. Теперь при плановой дозаправке кругов через тридцать я непременно на какое-то время выпущу его вперёд, а дальше — как карта ляжет. И да... Как-то забыл про его близнеца. То-то жёлтый везунчик удивится, заведя в зеркалах себя!..

Наконец пейс-кар загасил огни, уезжая от замедлившегося лидера. Шестое чувство подсказывало, теперь-то гонка начнётся по-настоящему. Не до третьего поворота, как в прошлый старт, с полной расслабухой на четвёрку последующих зачётных кругов. Иначе сердце просто не выдержит столь частого повторения такой бешеной смены ритма, когда после мёртвого штиля обрушивается цунами.

Выехав из-под моста Порш, будто путая след, нырнул на пит-лейн. Одновременно с тем Фирелли резко ускорился. Зелёный флаг!..

Понеслась!

Круги 5-12 под зелёным флагом

Когда сидишь в кокпите, всё становится меньше и ближе. Между петлёю в конце стартовой прямой и носовым обтекателем видится то же расстояние, что между ним и кончиком собственного носа.

Удар по тормозам, и будто с разгона упираешься в необъятный экран, на который продолжает проецироваться наползающее изображение. По мере того, как оно замедляется, немного отпускаешь педаль, чтоб не сорвать в скольжение колёса. Поворот руля, и кино превращается в карусель-центрифугу.

Ускорение к Квазимодо и от него к Барби похоже на выстрел из короткоствольного пистолета. А ты — пуля, чья задача никуда не попасть. Фирелли по-прежнему оставался ближайшей мишенью. Перед поворотами мне казалось, что я торможу об него, и между нами пружина, которая то растягивается, то сжимается, угрожая лопнуть.

Но после Тарана лидер вдруг как сквозь землю провалился. Наверно, я слишком отпустил газ перед «трамплином», опасаясь «приземлиться» в него. И когда он опять возник впереди, то оторвался на десяток корпусов. А в зеркале нарисовалась улыбающаяся крокодиля морда на обтекателе Зебровски.

В дневном свете трасса преобразилась, теперь напоминая гигантскую змею, растянувшуюся на солнцепёке, поблёскивая сквозь матовую пыль крохотными стальными чешуйками асфальтобетонных фракций. А наши колёса постепенно стирали с неё патину, оставляя чёрные следы и обнажая истинную суть коварной рептилии, готовой в любой момент сбросить и раздавить настырно жужжащее насекомое.

Но, похоже, Себастьян поймал кураж, что ему наплевать на охотничий инстинкт асфальтовой гидры. Держаться за ним, не отпуская, удавалось с великим трудом. Благо, Пит снова поотстал. Видимо, это и есть та самая скучная гонка, за которую мы вчера чокнулись с Куртом. С незначительными перестановками, которые пока в общем-то...

Устраивают?!

Каждый юноша из древнего племени стремился выиграть состязание, прекрасно зная: победителя принесут в жертву. Хотя запросто мог где-то незаметно поддаться и отвести от себя почётную участь. А я стану отсиживаться за чужой спиной? Сосватаю другому мечту, к которой шёл всю жизнь?..

— Ты должен обогнать!.. — протрещало в наушниках.

— Как, вашу?.. Где?..

— Лайквуд третий, — из хрипящего радио повеяло холодом.

Я бросил взгляд в зеркало:

— Чёрт! Вижу.

— Не тяни! А то он пройдёт вас обоих.

Я честно старался, отгрызая по метру-сантиметру на каждом отрезке. И круге на четвёртом после рестарта нам с Себастьяном показали таблички с одинаковыми ноликами в начале. Вот только меня по-прежнему отделяла целая пропасть от того, чтобы поменять свой плюс на его минус.

То, что я быстрее, в любой момент могло сыграть дурную шутку. Длины стартовой прямой явно не хватало, чтобы использовать преимущество мотора при разгоне. А перед Тянушкой Фирелли опять затормозил чуть раньше, оставшись ровно посередине, предлагая выбор, с какого бока сломать об него переднее крыло. А то и устроить обоюдный вынос. Фрэнк точно не обидится.

«...Завтра мы все гоняемся за Боба!..» — лживый италяшка! Может, скормить его призраку? Не самый приятный тип. Откатав сезон в Наскаре, бывший чемпион лавров не снискал, зато позаимствовал оттуда манеру решать послегоночные споры кулачным способом. «Шоколадный» Боб, родом из гетто, до меня служивший объектом грубоватых шуток ветерана, смотрелся на фоне того рафинированным интеллигентом.

И Фрица заодно с ним!.. Уже показывает себя. Сам жёлтый, как переспелый лимон... А если это разводка? И никакого призрака нет! Тогда тридцать первый окажется чемпионом, а я — полным идиотом? Зебровски и (кто там шёл четвёртым? — помнится, Джоан Линсент) — за два круга стали его жертвами. Выглядит устрашающе...

— Это точно он?..

— Сам не видишь? — каким-то чудом разобрали на мостике моё бормотание.

— К сожалению, прекрасно... — бросил я, только чтоб отстали. Впредь стоит думать потише.

Между тем «скучная гонка» возобновилась на следующие несколько кругов. Мы, будто сговорившись, сохраняли позиции и отрывы где-то в одну-полторы секунды. Со мной и Себастьяном-то ясно, но Лайквуд отчего не торопится? Бережёт силы для решающей атаки? Или чтобы ускориться, когда я отправлюсь на пит-стоп.

— Не расслабляйся, его шины свежее твоих... — напомнили с капитанского мостика, явно имея в виду того, кто позади, а не впереди.

Мелькнула ещё одна — дурацкая — мысль, которую я спешно отогнал. Откуда Фрэнк может знать?.. Вряд ли его вчера кто-то так же подробно просветил, как меня Курт. Хотя, вопрос блондинки слышали все... Неужели

пропустили мимо ушей, и только у одного разыграло любопытство?.. Кажется, Фирелли чувствует себя вполне комфортно в роли паровозика, таская наши разноцветные вагончики на пружинках, и никакая желтизна в зеркалах не смущает.

Вернуться в секунду с лидером большого труда не составило. Но я нигде не мог попасть в область разреженного воздуха за ним, кроме как в последней и единственной скоростной связке. Это же безумие — потерять там хоть один процент прижимной силы!..

Попробую отстать на десяток корпусов, чтобы, разогнавшись в Удавке, подсесть к нему в воздушный мешок не раньше начала короткого прямика перед медленным предстартовым поворотом.

Снова повторение безумия! Раскрученный мотор надрывается, как резаная свинья, пытающаяся обогнать собственный визг. Тщетно! Визуально дистанция с Фирелли ни на дюйм не сократилась. Такая, как на прошлом круге в этом же месте. Но метров за сто до торможения я вдруг почувствовал, что меня начинает притягивать к нему, как металлическую стружку к мощному электромагниту.

Пора!

Он оставил щёлочку без миллиметра запаса. Дескать, покажи свою меткость, коли такой наглый. По филигранности манёвр походил, как если б пуля прошла в игольное ушко и, мгновенно развернувшись, сквозь него же обратно. Вписаться после атаки слипстримом в Посошок было сродни попаданию в «бычий глаз» в дартсе со стометрового расстояния.

Тем не менее получилось!.. Из-под моста я выехал, никого не наблюдая впереди. Вчерашнее волшебное ощущение вернулось. Вместе с хлопками в наушниках, которые не сразу идентифицировал...

— Так держать... — обрело язык командное радио. — Нарастивай отрыв... — и добавило. — Используй преимущество машины... — видимо, чтоб не зазнавался раньше времени.

Даже моя безнадёжно отстающая «формула» из недавнего прошлого была б здесь, наверно, быстрее на секунду с круга. Но когда лидируешь, от скорости совсем другое чувство. Должно быть, на овалах эти монстры способны впечатлить ещё больше. Хотя с «полётом по собственной гостинной» пока «вертолёт» справляется изящней реактивного истребителя.

Стыдно признаться, я давно не помню, чтобы с каким-то особым трепетом относился к вверенной технике. Скорее, мы обоюднo раздражали друг друга, считали ни на что не способными. Ничего похожего на трогательное чувство между конём и всадником. Может, оно зарождается сейчас?..

Тем более, имя той, что подо мною, звучит вполне себе нежно и музыкально: «...Лола — Эл-О-Эл-Эй — Лола — Ло-Ло-Ло-Ло-Лола...» Как у большинства соперников, и с таким же Форд-Косвортским движком. Но дополненная эксклюзивными, командной разработки, амортизаторами вкупе с аэродинамическим чудо-обвесом.

Разбег по стартовой прямой и в последний момент отказ от взлёта чётко на точке невозврата. Дальше извилистыми тропами вперёд и вверх. После лабиринта со стенками тусклого золота всё ещё плотной листвы на выходе из Тарана впереди открывается небо без единой крапинки облаков. Таким, наверно, его видят набирающие высоту лётчики — более бездонным, чем ночное, усеянное звёздами. Ультрамариновая глубина делает прозрачный воздух подобным непроглядной водной толще над океанской впадиной. Хочется, не отпуская газ, продырявить эту синеву, и, пронзая пространство, унести в бесконечность.

Но за изломом подъём сменяется не менее захватывающим пикированием. Голубизна исчезает. Упругое тело стальной асфальтовой змеи бросается навстречу и ловит мощным удушающим извивом. Приходится, будто в Монако, «облизывать» поворот в паре сантиметров от рельса безопасности. Знать, отбойник нарочно насколько можно придвинули к трассе — подальше от скал. Любой камушек, случайно скинутый оттуда чьей-то ногой или попой, на такой скорости пробьёт дыру в шлеме не хуже крупнокалиберной пули. Поэтому ни черта не видно, что скрывается впереди по ходу. Топишь газ вслепую. И только поймав момент, когда из-за изгиба рельса высунется То-Самое-Дерево, оборвавшее жизни двух беглецов, коменданта и гонщика, можно потихоньку распрямлять траекторию и наслаждаться пейзажем.

В скоростных поворотах стены несутся на тебя быстрее, чем земля при падении с высоты. Светлые полосы гравия перед барьерами из покрышек похожи на пену прибоя у смертоносных рифов. Руль сопротивляется, но усилие приятное, будто поймал крупную рыбу. Однако чуть ослабишь хватку или перестараться — сорвётся. Вернее, утащит тебя в гравийную пучину...

После Удавки можно чуть выдохнуть, но слишком расслабляться не стоит. По-прежнему любая помарка — и машина вмиг станет похожа на гитару Пита Таунсенда, отыгравшего «My Generation».

Одна из прелестей гонок: тут цена ошибки не ниже, чем везде — но расплаты за неё не приходится ждать. У неправильно построенного здания, скажем, стены могут через год покрыться изнутри плесенью. Или оно рухнет к чертям от средней силы землетрясения, которое Бог весть когда случится. А тут, если невредим и продолжаешь ехать, можно смело похвалить себя, что последнюю пару секунд был молодцом. При выходе на прямую боковая перегрузка сменяется ликованием. Ты снова победил и снова жив, как минимум до следующего поворота. Похожее ощущение, наверно, испытывали японские асы, выходя из пике после успешной атаки линкора в Пёрл-Харборе...

— Как там сзади? — метнул я взгляд в зеркало. — Дьявол!.. — сердце стукнуло не в такт, точно заклинило передачу. Неужто началось? Не рановато?..

— Лайквуд прошёл Фирелли, — недовольно сообщило радио. — Не подпускай его.

Час от часу не легче. Сопrotивляясь мне, макаронник убил шины и стал лёгкой добычей для белобрысого засранца. Но всё-таки тот пока, как и я, из плоти и крови. Будем надеяться...

Удачный обгон превратил охотника в добычу. Волка — в трепетную лань, преследуемую вереницей хищников. Вернее, их из неё пять-семь, а дальше — падальщики, готовые полакомиться крахом чужой жертвы.

Следующим сообщением с командного мостика было, что итальянец поехал на пит-стоп. Значит, один, по крайней мере на время, отстранился от схватки.

Зато добавилось иных проблем. Не слишком удачливые подражатели Лайквуда, навестившие боксы под пейскаром, теперь вольно или невольно работали на него. С круговыми пришлось действовать по тому же рецепту, который сработал с недавним лидером. Правда, они сопротивлялись меньше, но всё равно на каждого уходил целый круг.

Ну как же так! Где синие флаги? Почему они их не видят? В Формуле приходилось сбрасывать на прямых, прижимаясь к обочине и добивать без того загубленную гонку. У здешних упрямецев-аутсайдеров чуть больше шансов грезить, будто не всё потеряно. За это многие американскую серию и уважают. А вот мне сейчас больше по душе была б предсказуемость. Да хоть такая, за которую мы вчера чокнулись с Куртом...

— У Фирелли рекорд круга, — прокаркало радио.

— Предлагаете смену тактики? — видимо, свежие шины на Штайнвальд-ринге дают больше, чем лёгкая машина.

— Ничего не предлагаем. Действуем по изначальному плану.

— Тогда зачем мне лишняя информация?!. — раздражённо бросил я.

— Чтоб знать, что ждёт после остановки. А пока не расслабляйся. Впереди снова никого. Ближайший в шести секундах... Используй чистую трассу. Езжай с ветерком!

С ветерком!.. Больше это похоже на двухчасовой прыжок сквозь тоннель из зажжённых колец. Бликующая осенняя листва, размазанная по периферии зрения, подпитывает образ. А позади пышет жаром огнедышащее существо о восьми головах-цилиндрах. Одно неверное движение, и этот дракон спалит тебя в своём пламени. Или, сорвавшись с креплений, перебьёт позвоночник. Тут от смерти разит потом. И веет не холодом, а адским пеклом...

— Бокс! Бокс! Бокс!.. — троекратно отсалютовало в наушниках ровно на тридцать третьем круге.

Хуже поджаривания «с ветерком» — только медленный заезд и стояние на пит-стопе. Где вместо худо-бедно продуваемого мангала тебя словно закрывают в герметичной духовке. Механики расставлены, как шахматные фигуры, а пилоту надо конём заскочить на свободное поле между, никого не задев. Едва это удаётся, фигурки оживают. А опущенная табличка-леденец, как защёлка, запирает поднятого на домкраты гонщика неподвижно выпекаться. Чья-то рука тряпкой протирает забрало — проверить готовность блюда.

Ну что они еле возятся!..

Глянув в зеркало, в промежутке меж копошашимися механиками я успел приметить — тут как тут! — жёлтую машину под номером тридцать один. Повторяя ходы соперника, не выигрывают?.. Хочется верить!

Топливо из шланга, булькая, поступает в бак нестерпимо медленно, как коктейль через соломинку. Интересно, каково это — сосать в неё чистый метиловый спирт?.. Шланги гайковёртов, перекидываемых к другому борту, извиваются в воздухе, будто неторопливые водяные змеи во время брачного танца. Наконец домкраты роняют нетерпеливо рычащего монстра подо мной...

Леденец поднят! Свежая резина при пробуксовке окутывается дымком. Прочь из печи на волю! Ну... Или на «прогулку» в очередные кругов тридцать до следующего визита в неё. Главное, жёлтый остался позади.

— Спасибо! Молодцы!.. — по формульной привычке похвалил я ребят в микрофон. Не знаю, передали ли им с командного мостика. Уверен, они и так это поняли.

Круги 34–60 под зелёным флагом

После серии пит-стопов итальянец снова вышел вперёд. Не страшно. Важно удержать позади тридцать первого, вернее, быть впереди него, если он попробует сунуться в борьбу за главное место на подиуме. А он непременно попробует!..

— Перед вами ещё Зебровски и Линсент — уточнили с мостика, — Пока не переобувались. Да Пинч останавливался под пейс-каром.

Наконец-то и для публики назревает что-то интересное. Пусть и на несколько кругов, пока не настанет черёд пересидевших исполнить ту же процедуру, что мы недавно. Но Фирелли не торопится с обгонами. Наверно заокеанские гости кусают локти из-за потраченного времени и денег на авиабилет. Дело близится к середине, а кроме стартового инцидента в глубине пелотона — никаких заметных событий. И то Лорд благополучно плетётся где-то в хвосте. Кажется, до остановки я обходил его на круг.

А может, зрители считают нас трусами? Осторожничаящими после Мичиганской драмы. Да и пускай, зевая себе хоть челюсти вывихнут. Трасса, что называется, не обгонная. Мы просто делаем свою работу и не обязаны веселить их, подобно клоунам на манеже. Со стороны предел возможностей может выглядеть по-разному, но в гонках это всегда предел. Что на картодроме, что на...

Загадка для русской рулетки, или как называется их игра, где волчок выбирает заковыристые вопросы для эрудитов: У него в Поконо их три, у Милуокского и Нью-Хэмпширского — два. А у самого знаменитого — четыре. В каком городе находится этот самый знаменитый? И о какой геометрической фигуре идёт речь?

Я с детства не любил овал — он часто жизни забирал!.. Может, шефу просто нужен был специалист по трекам европейского типа? А тут ещё земляк освободился... Заморочил меня вчера Курт своей пьяной риторикой, а я и уши развесил...

Соперники по мере нашего к ним приближения, с вежливостью уступали дорогу, заруливая на дозаправку и переобувку. И мы постепенно, как избегающие кессонной болезни водолазы, вновь всплыли на верхние строчки классификации.

Дежавю? И что за этим последует — из той же серии? Мне отчего-то очень не захотелось исполнять на бис то, за что недавно сорвал командные аплодисменты.

— Поднажми и атакуй!.. — не замедлили попросить сделать именно это.

Всегда ли вслед за эйфорией при повторении ситуации возникает тревожность?

На спуске машина ускорила резвее, чем раньше... Но вместе с тем на вираже почувствовалась нестабильность. Баки пустеют и шины заканчиваются — не рановато? Внутри Кипятка я подотпустил газ, чего доселе не делал. Что за чертовщина!.. Машину словно начало всасывать вперёд, как при недавнем сумасшедшем обгоне, только в этот раз итальянец был метров на сорок дальше.

У Фирелли тоже не всё вышло гладко. Зона торможения перед Посошком окуталась дымом из-под его заблокированных колёс.

— Держись за ним! Отстаёшь.

— Не могу!..

Как будто между нами невидимое препятствие. То взвихряющее воздух, то создающее разрежение в самом неподходящем месте. Жалко, соперники не могут переговариваться по радио, а то б я спросил макаронника, не чувствует ли он кого-нибудь позади? Впрочем, мне это должно быть видней, чем ему. А я пока наблюдаю лишь его заднее антикрыло. Наверно, просто ветер переменился. Дует через ложбину, точно в трубу, то с одной, то с другой стороны, чтоб нам веселей плясать под его дудку. Как там мой жёлтый?

На месте, и с ним всё нормально. Отскакивает и пока не лезет в атаки. Почему? Неужели мы с Себастьяном настолько хороши? В Лагуна-Секе, я пересматривал в записи, он просто пронзил пелотон и спокойно от всех уехал. А здесь чего-то выжидает. Юнец учится. Осознаёт, что в нашем деле полезна не только отвага, но и выдержка. Что в одном повороте гонки не выигрываются. Додумайся он до этого парой этапов раньше, лидер зачёта не валялся бы сейчас в коме. Но и меня тут тоже не было б...

Поставив на талант «тёмной лошадки», шеф не видел пользы в расширении пилотского состава. Боб вряд ли нуждался в дополнительной мотивации в лице стремящихся его подсадить партнёров. Он демонстрировал стабильность и результативность, и его прочное положение в команде всех устраивало. Только жизнь гения скорости оказалась хрупкой, как у любого обычного человека. Такова оборотная сторона «американской мечты».

Впереди по ходу поплёскивают стремительно высыхающие лужицы-миражи. Не успеваю разглядеть, что отражается в них. Может, моё недалёкое будущее? Никогда не гадал с помощью зеркал. Хотя в отрочестве как-то испытал на пригодность для ворожбы антикварное трюмо в родительской спальне, поднеся к нему при выключенном электричестве зажжённую свечу. Кончик пламени размножился в отражениях, я насчитал,

девятнадцать раз. На единицу меньше, чем мой нынешний гоночный номер. Это что-то значит? Из любопытства тогда же провёл аналогичный опыт с зеркальной дверцей шкафа-купе в прихожей. Результат оказался намного скромнее, хотя стекло не было таким царапанным и местами помутневшим. А ежели, ну, с помощью зажигалки или спички проверить зеркальца моей машины. Что, интересно, получится? И если б число отразившихся огоньков превзошло показанное дверцей шкафа, я решился-таки погадать?

Смысл? Знать судьбу — отнюдь не означает: иметь возможность её изменить. Бытует мнение: гонщики — народ суеверный. И многих их суеверие спасло? Взять того же Фон Трипса. Вспоминал ли он перед Гран При Италии 61-го пророчество цыганки, предсказавшей ему гибель в катастрофе со множеством жертв? После столкновения с болидом Джима Кларка его машину выкинуло на толпу зрителей, оборвав пятнадцать жизней, включая пилотскую. Самое мрачное, даже не случись этой трагедии, злой рок настиг бы гонщика чуть позже. У Вольфганга уже был куплен авиабилет для перелёта на финальный этап. Но самолёт, летевший тем рейсом, разбился.

Посему я предпочитаю не верить гадалкам. И есть повод надеяться, что качество современных автомобильных зеркал всё-таки не дотягивает, чтоб предрекать судьбу. А показывать призраков?

Арка с изогнутой тенью на асфальте в конце скоростного участка напомнила гигантский медвежий капкан. Забавно название афродизиака смотрится на капкане. Проскочив под ней, я всё-таки метнул взгляд в зеркало. Смutilо странное поведение яркого пятна, доселе неотрывно следующего за мной. И на стартовой прямой я повторно скосил туда взор. Куда исчезла жёлтая машина?..

— Лайквуд поехал на пит-стоп, — ответило на немой вопрос радио.

— Может и нам?..

— На пятьдесят шестом круге? Фирелли переобулся раньше тебя, а держится. Знать, Фрэнка недозалили, или комплект неудачный попался, — понятно, имелось в виду: «Будь у него всё в порядке, он бы легко обставил вас обоих, тебя в первую очередь...»

Позади образовалась пустота. Хорошо, хоть оттуда теперь временно не припекает. За Кардиограммой я снова глянул в зеркало. Раньше в них маячило одно пятно. А теперь оно размазалось по всей их поверхности подсвеченной листвой. Асфальт под наброшенной ажурной тенью напоминал шкуру леопарда.

Снова недопронзённое небо, нырок в Удавку, пробежка глазами по зеркалам после Кипятка.

Что-то более чёткое мелькнуло на спуске позади. Так близко? Или это...

— Где Лайквуд?

— Чего всполошился? — усмехнулись в наушниках. — Тридцать первый застрял за круговыми, — проинформировали серьёзней. — Ваш отрыв от него пока растёт, — словно мы с итальянцем и впрямь гоняемся в одной команде под названием «за Боба».

А это кто был? Чёрт! Я почти не знаю, как выглядят мои соперники, кроме разве тройки-четвёрки соседей по старту. И среди них жёлтая машина у Лайквуда. А остальные?.. Не уверен: хватило б целого сезона, чтоб научиться их отличать друг от друга? У них ещё мода перекрашивать болиды от гонки к гонке. Сговорились что ли ляпать желтизну всевозможных оттенков то там, то сям? Или сообща замыслили поглумиться над новичком!..

Уверен, не только к моему неудовольствию, увеличивался зазор и спереди. Более-менее удерживаться за лидером становилось всё труднее. Видимо, ему достался «удачный комплект». Который он непонятно как до сих пор не убил, то и дело отлавливая машину в скольжении.

— Нам точно не пора переобуваться? — поинтересовался я.

— Держись в том же темпе, — успокоили по радио. — Попробуем использовать его тактику.

Спасибо, что обгонять больше не просят. Итальянский ветеран топил, как сумасшедший. Решил закончить неудачный сезон на высокой ноте? Или просто убегает. Если да, то от кого? Вряд ли от меня. Пока я ему непосредственно не угрожаю. Но он поздно тормозит, ломает траектории. Зачем?..

Несколько раз, чрезмерно увлечшись им, я сам чуть не ошибся. Безумец вопреки желанию притягивал взгляд. Впервые за гонку мне стало больше страшно за него, чем за себя.

Пока я нёсся вдоль изгибающегося отбойника, воображение непрошено рисовало незащищённый борт разбитой машины, развернувшейся в слепой зоне. Гравийная ловушка справа, пред Тем-Самым-Деревом, из кокпита выглядела вздымающимся бруствером, оставляя немногим лучший обзор перед Кипятком. Безумный трек! Держит, как шулер в рукаве, свои убийственные козыри, показывая не все сразу.

— Бокс!.. — я услышал, уже сруливая на пит-лейн.

Повторяя ходы соперника, не выигрывают?.. Или на мостике смирились и готовы пожертвовать победу макароннику. Такой расклад шефа более чем устроит. А меня?..

Мои пешки-механики и в этот раз остались не задеты. А у Фирелли случилась заминка. Возле замершей впереди машины итальянца исполнялась зловещая пантомима. Суетилась команда, кто-то катался по асфальту. Сбило при заезде?.. И только дрожащий воздух подсказал, что, скорей всего, во время дозаправки на раскалённый

кожух пролился метанол. Как говорится, не бывает дыма без огня, но пожары без пламени — очень даже. И смотрятся они не менее жутко.

Даже пришлось тормознуть на выезде, чуть не потеряв управление на залитом асфальте, когда один из «огнеборцев» бросился мне под колёса. Не удержи я машину, мог бы выйти зрелищный «страйк» из занятых тушением людей. А так оказались лишь упущены секунды. Но отыграно место?..

Как там Себастьян? Призрак решил позвать лидера к себе, поделившись огоньком из преисподней? Взыскать плату за амбиции не на треке, а таким образом? Но нет... Наконец освобождённый от ремней безопасности пилот выскочил сам и отбежал, наблюдая в сторонке, как пена из брандспойтов, словно взбитые сливки, украшает его очередное фиаско.

Вот что я видел позади в зеркале, пока неловко и ощутимо медленно уезжал с пит-стопа по бесконечной пит-лейн, прикидывая, какую цену «тайный хозяин трассы» взьщёт со следующего?

Круги 61–75 под зелёным флагом

За перипетиями в боксах я малость подзабыл про Лайквуда, уже выруливающего из Квазимодо Нотрдамского, пока сам ещё огибал Тянучку параллельным выездом, опасаясь резко прибавить газ на, возможно, ещё мокрых колёсах.

— Спокойно! — нервно прошипело в наушниках с примесью фонового шума, в котором к неудовольствию распознал чертыхания шефа. — По нашим прикидкам, ему минимум ещё раз останавливаться.

А нам — нет? Сомнительно. Остаётся надеяться, что всё-таки его резина, старше на пять кругов, начнёт деградировать раньше. Нервозная обстановка в команде, отголоски которой достигли моих ушей, вселяла неуверенность.

— Просто держись за ним. А если начнёт тебя тормозить — пройди.

Легко сказать! Лайквуд гнал с той же безумной скоростью, что и лидер до него. Вот только траекторию рисовал, как заправский художник. Или чертёжник... Филигранно простраивая все отрезки, радиусы, параболы и гиперболы, не пользуясь «ластиком» заблокированных шин. Я невольно залюбовался. С таким подходом ему самое место в Формуле.

Туда же прочили и того, за кем он ведёт сейчас виртуальную погоню. Это особое умение: чувствовать и беречь резину — всё равно что спокойно, не ранясь, бегать босиком по гравию и стерне. Может, Боб впитал его с генами африканских предков, примитивными орудиями охотившихся в саванне на быстроногих антилоп и зебр. Впрочем, и у наших с Фрицом пращуров в то время с обувью обстояло, не факт, что лучше.

Скорость Лайквуда оставалась неизменной от круга к кругу. Но и я старался не отставать. Даже в какой-то момент попробовал подобраться к нему. Вышла та же ерунда, как до этого с Фирелли. Что-то вроде раннего слипстрима, при котором машина в разреженном воздухе позади соперника теряет прижимную силу задолго до расстояния возможной атаки.

— Ты как будто побаиваешься его, — прозвучал недобрый смешок из наушников.

Как раз наоборот. С ним, в отличие от езды за итальянцем, я меньше опасался напоротья на неожиданно возникшие на пути обломки. Но раз команда берёт на слабо... В конце концов, если я и врежусь в жёлтого, Мэврика в этом точно не обвинят. Либо я сильно недооцениваю фантазию пишущей братии.

Нелепо признаться, в эту минуту я готов был позавидовать моему предшественнику. Пожалуй, единственный, в ком босс видел человека, а не без проблем заменяемый винтик. Не уверен, что сам фаворит успел почувствовать такое отношение к себе с его стороны до катастрофы. Но после всем остальным регулярно давалось ощутить свою в сравнении с ним никчёмность. Часто незаслуженно. Наши механики в оба моих визита в боксы справились классно.

А вот Фирелли смог нам подгадить, сманив за собой на досрочный пит-стоп, и в довершение «подстелив дорожку» из скользкой пены...

Жёлтый то отрывался, то снова подпускал, будто подыгрывая гоночному инженеру на мостике, дескать: «ты шустрее его... у тебя лучшая машина...» Медленно пульсирующее яркое пятно впереди начинало меня бесить, мешая сконцентрироваться.словно кто-то стегал по глазам майским одуванчиком. А это точно Лайквуд?

— На сколько от него отстаю? — поинтересовался я по радио.

— Сам не видишь? — озвученные дальше цифры походили на правду. И следом опять в том же духе. — Он сдерживает тебя. Наша машина быстрее.

Чёртово заклинание действовало до определённого момента. А потом начинались те же выкрутасы с воздушными потоками. «Это просто ветер,» — твердил я себе, поскольку спросить по радио тридцать первого так же не мог.

Что, согласно мистическим представлениям, способно показать, чего нельзя пощупать и увидеть глазами по эту сторону реальности?.. Только мои «волшебные зеркальца» транслируют лишь картинки из мгновенной давности прошлого. Развернуть их вперёд и поглядеть в такое же будущее я при всём желании не могу. Какую б им замену найти?

Лужицы-миражи! Но как отличу — где чьё высыхающее в долю секунды отражение? Опять этот цветной ребус!

А если попробовать проехать там, где в них просто поблёскивает ломающееся небо?..

На выходе из связки Удавка-Кипяток я, не отпуская газ, сместился вправо и вернулся на траекторию перед самым Посошком, едва не упёршись в Лайквуда, сопротивляясь заблокированными на торможении колёсами, чтоб не впечататься.

— Ты чего творишь? — прозвучало удивлённо в наушниках. — Что за фигурное катание?

— Показываю себя...

— А то он о тебе не знает!..

Как сказать. Вдруг лидер узрел за собой ещё кого-то?..

— С ним поступай, как хочешь, только себя береги, — напутствовало радио, благословляя на обгон.

После моей выходки мобильная помеха меж нами как будто испарилась. А у мотора словно открылось второе дыхание. В медленных поворотах белобрысый крылся по-чёрному, не деликатней Фирелли на первых кругах. Значит и разделаться с ним надо тем же манером. Но отпускать, даже немного, его не хотелось. Подспудное чувство намекало: лучше держаться вместе, чтобы кой-чего опять не вклинилось...

С какого я вообще решил, что призрак — машина? Совсем не обязательно. Правда тот псих с переломанными ногами упоминал именно её. Вернее, нечто выбившее развёрнутый болид перед ним. Который, если следовать здравому смыслу, он протаранил сам.

А вдруг всё-таки нет?..

Бред! Когда б каждая несправедливостью судьбы отнятая жизнь оставляла на земле подобную сущность, в бэнкингах Индианаполиса, Параболике и Красной Воде лидеров преследовали б целые вереницы призраков. А в время бессчётных перелётов им бы махал в иллюминаторе серебряным крылом Грэм Хилл. Но мрачная легенда отчего-то поселилась именно здесь.

Кто ты — Золтан Раш? Класный парень, по-детски затаивший лютую обиду за своё роковое невезение, или амбициозный ублюдок, готовый идти по головам, но оступившийся прежде, чем мир смог тебя раскусить? Какой потусторонней силе служишь? И почему?.. Отчего сам не разделаешься с Лайквудом? Предлагаю пока живому преследовать его вплотную там, где невозможно держать траекторию без ста процентов прижимной силы.

Но мне каким-то образом удалось пройти без них скоростную связку, как по натянутой струне... Вернее, от натяжения лопнувшей и изогнувшейся, но не успевшей скрутиться в тугую убийственную спираль до того, как я выпрыгнул на прямую. И словно свет в конце тоннеля увидел щель, в которую атаковать.

На позднем торможении машину повело. Недостаточно для путешествия в гравий, но если автомобиль сзади не успел убратся... Что ж, нечего так упорствовать. Жёлтое пятно уползло вправо, а затем резко перескочило обратно в левое зеркало и начало уменьшаться. Хотя никакого касания между нами я не почувствовал. Подлый Фриц, пытаясь меня перетормозить и не пустить, вылетел сам без посторонней помощи?

Но нет, это было слишком хорошо, чтоб оказаться правдой. Сквозь дым от собственных шин я разглядел, как не пожелавший явить болельщикам своё поражение Лайквуд сворачивает на пит-стоп.

Круги 76–87 под зелёным флагом

Что за чудеса творятся на Штайвальде? — думал я, проносясь в одиночестве по стартовой прямой. — Трасса милостива к расходу топлива и моторам, но безжалостна к резине? Потому что самый ходовой участок — на спуске и с виражами? Команда тридцать первого, знать, вовремя это просекла, а мы проспали. Да ещё этот сукин сын нарочно спровоцировал меня на безумную погоню, убившую шины. Игра пит-стопов пока складывается не в нашу пользу? Но снова лидерство!..

— Теперь отрывайся от него, — скомандовали с мостика. — Впереди свободно!

А сзади?.. Главное: не смотреть в зеркало! Тридцать первый должен выехать с отставанием где-то на полкруга. И если кого-то угляжу — это точно не он.

Движения доведены до автоматизма. Близких круговых пока не намечается. Надо чем-то занять голову, чтобы в неё не лезла всякая хрень. И не искушала...

*Разрешите представиться!
Я затейник и эстет,
Что смог изрядно прославиться
За много долгих сотен лет.
Я стоял возле Христа
В час терзаний и шептал.
А задумчивый Пилат
Молча руки умывал...*

Напел я. Естественно про себя, дабы в свою очередь не пугать командный мостик. Стоп!.. Кажется, под эту песню зарезали того темнокожего паренька прямо перед сценой [2]. Не лучший выбор. Но ничего другого почему-то не шло на ум. Наверно ритм подходящий, успокаивающий нервы на скорости под триста...

*...Рад знакомству!
Смог меня узнать?
Это просто –
Душу проиграть!..*

Как и жизнь... Здесь ты воюешь со смертью один на один, а не килотоннами пушечного мяса. И она видит в тебе достойного противника. Ослепляет солнечной улыбкой, орошает дождиком путь, чтобы ты соскользнул в её объятия. За миг до неё ты можешь чувствовать себя самым счастливым на свете, всевластным, как Бог... Возможно, что-то схожее было у Золтана. Тем сильнее разочарование последней секунды по эту сторону бытия.

И даже если ты лишь раздражил костлявую, она так просто тебя не забудет. Достанет с неба при перелёте регулярным или частным авиарейсом, подселит опухоль, подстержёт на горнолыжном курорте или перекрёстке во время велосипедной прогулки. Но это потом, а пока...

Зеркало посылает в визор зайчиков. Но с каким-то голубоватым оттенком, точно от фотовспышки. Может, это не оно, а мой друг-фотограф спереди упражняется из своей «засады»? Только, вроде, наоборот, Курт жаловался на слишком яркое солнце. Или использует приём с искусственной подсветкой, дабы болиды и земля на фоне слепящего небосвода не сливались в сплошной чёрный силуэт? Какова ж тогда должна быть мощность лампы и аккумулятора к ней? Впрочем, я тот ещё специалист по фотоделу. Расспрошу потом самого и снимками разживусь.

Ещё один огненный блик, словно зажигательная бомба, сполз по «асфальтовому водопаду» на чьём-то корпусе позади меня, когда я уже выходил из «пике».

Не удалось прочитать табличку, вывешенную над старт-финишной прямой с командного мостика. В наловивших «зайцев» глазах рябило. Пришлось прибегнуть к помощи радио.

— Лайквуд позади Зебровски и Линсент, — доложило оно с нотками оптимизма.

Как? Я же только что... Ладно, будем считать, показалось. Лучше внимательней смотреть, куда едешь, и надеяться, что он за ними застрянет подольше.

На подъёме ажурная тень шадяще накрыла землю маскировочной сетью. Из-за неё мой обтекатель напоминает с космической скоростью заглатывающего добычу питона. Между Кардиограммой и Тараном солнце, словно из пулемёта, длинной очередью стреляет из-за проносящихся мимо крон. И когда ныряешь под сень Вагнеровских скал, приходится срочно перестраивать зрение. Самая быстрая траектория проходит по левому краю, но светило переместилось, туда заползла тень, что асфальт остыл и сцепление уже не то. Держась правее, надо со

снайперской точностью уловить момент поворота руля, чтобы правильно выйти из Удавки и следом попасть в Кипяток.

Возможно, те двое, кого развернуло в 76-м и 78-м, просто не учли нюанс, что держак на прогретом асфальте больше, чем в тени, давили на газ и, разгоняясь правой стороной, опережая левую, получали избыточную поворачиваемость, где скорей опасались недостаточной. Или вовсе не ждали проблем, ведь круги назад всё было превосходно. Хотя... Вряд ли тогда старт переносили на четырнадцать часов. Впрочем, и сейчас ещё не вечер. Посмотрим, может к финалу накроет всю полосу. За первым апексом уже почти так и есть...

Снова удар света по глазам — и спереди, и... Что за чертовщина! Будто небо продырявило асфальт. Может, мираж? На которые я сегодня уже налюбовался. Не исключено, те погибшие парни ошибались именно потому, что тоже не вовремя отвлекались на них, ошибочно принимая за атакующих соперников. Только полный безумец сунется обгонять в скоростном полуслепем повороте типа Удавки. Кто-нибудь вроде Штефана, недавно так разбившегося в Красной Воде, или Золтана... Да и то последний полез в самоубийственную атаку с неловкого «приглашения» товарища по команде. Тогда кого они высматривали?

— Ну где ты там?! Покажись уже!..

Как хочется обернуться и хоть глазком поглядеть назад. Жаль, кажется, с незапамятных времён в гоночных автомобилях такая возможность не предусмотрена. Только лживое посеребрённое стёклышко сообщает, что за спиной.

Не думай о жёлтом призраке. Думай о большой синей обезьяне...

А вот и она! Опять эта голубизна... В этот раз намного ближе. Странное пятно, похожее на кусочек неба, но словно нарисованного фломастером.

— Как отрыв? — поинтересовался я.

— Пока в пределах допустимого, — был ответ, но какой-то неуверенный. И что значит: «пока»?

Я чувствовал, что скорость падает. Шины деградировали намного быстрее, чем пустели баки. А им ещё пришлось «попотеть» во время, как выяснилось, ничего не решающих атак. И я совсем не удивлюсь, если меня вскорости догонит кто-нибудь из соперников, принадлежащих к нашему, материальному, миру.

— Каким он идёт?..

— ...Да, он прошёл их...

— Сколько между нами?

— ...секунд. Он на свежих...

Дьявол! Опять перебои со связью. И как вовремя!.. Лайквуд приближается, об этом несложно догадаться. «-25.19» — прочитал я табличку с пит-уолл по завершении круга. Значит, запас, который удалось нарастить, истаял. Можно не спрашивать, сколько в среднем занимает пит-стоп — явно больше.

«— 22.83» — показали ещё через круг. И — о слава богам! — кажется, заработало радио.

— Может и нам пора? — надеюсь, мой голос пробился через помехи.

Крепло подозрение, что мы неслабо просчитались. Первый раз меня переобули после тридцать третьего круга, четыре с половиной из которых ехались в прогулочном темпе, пока ликвидировали последствия стартового происшествия между Гонзалесом и Лордом. Второй — на шестидесятом. Ещё двадцать семь и на один чистый меньше, чем до предыдущей остановки. И в сухом остатке — сорок? Половины которых хватило сожрать шины. Ясно, до финиша при таком раскладе без пары отрезков или, что скорее, одного удачного визита в боксы под жёлтыми флагами колёса просто не выдержат и горючего, возможно, не хватит... Значит, наши стратеги на это изначально рассчитывали. То есть — как минимум ещё авария?

Сердце неприятно захолонуло...

Ладно, предположим, её не будет. Тогда, получается, тупо, что называется — по формульному, арифметически поделив дистанцию на одинаковые части, соперник не прогадал? А те, кто заполучил себе отставного пилота Формулы 1, обмишурились?! Мне захотелось ослепнуть или вечно оставаться на трассе, лишь бы никогда больше не увидеть лица шефа. Правда, войны выигрываются теми, кто командира страшится пуще врага?.. Сомнительное утешенье!

Ну почему было не вывесить флаги из-за залитой пеной пит-лейн! Чтобы пелотон замедлился, ещё когда я оттуда выезжал. В Штатах наверняка бы так и поступили. А европейские коллеги не сообразили. Сориентируются ли они в более опасной ситуации?

Вроде, гонка для комиссаров проходит на редкость спокойно. Один небольшой инцидент на старте. При пожаре, тоже будем надеяться, никто всерьёз не пострадал. Выходит, недобрые предчувствия не оправдались. Пока... А если потом да? То, возможно, покажут красный флаг и всем зачтут по половине очков? В Формуле б так и сделали. И Мэврик в итоге останется вне досягаемости. К стыду, я не успел изучить все нюансы здешних правил. Да и, в любом случае, не мне вести подсчёт и раздавать призовые. И уж тем более — подозревать команду в каком-то запредельном коварстве, которое, неизвестно, принесёт ли дивиденды и каким образом...

— Если не сменим резину — возопил я, — через круг другой машина станет рыскать, как тележка в супермаркете!

— Мы услышали, — был холодный ответ. — Всё готово, но ждём пейс-кара, иначе Лайквуд окажется намного впереди нас, что можно и не успеть...

Остановившись сейчас, я вернусь далеко позади. И да, под зелёными флагами скорее всего не будет шансов вклиниться в первые ряды. Но если машина безопасности опять выедет, и кто-то из лидеров завернёт переобуваться, хоть крошечные, они появятся. Так что никакой разницы — сворачивать немедленно, или ждать происшествия на трассе. Что за идиотизм! Это на овале я б проиграл целый круг (где-нибудь в Милуоки — и не один). Но не на кольце, прохождение которого занимает минуту с лишним. Неужели ещё не расставшаяся с чемпионскими амбициями команда не может с этим разобраться?!

— Жёлтых флагов не было восемьдесят пять кругов. Не бойтесь, что если их вот-вот и вывесят, то из-за меня?!

— Только попробуй! Сконцентрируйся. Мы просчитываем варианты...

Или... Они просто хотят, чтобы он меня догнал, и я... Нет! Это невозможно!.. Да и с таким износом я просто-напросто могу его не дождаться.

И... Ежели колесо взорвётся в скоростной связке, дело может кончиться красными флагами?.. Но случись такое в Барби или Фастфуде, наш главный соперник просто спокойно доедет к победе, если кто-нибудь, тот же Зебровски, не сделает его на рестарте, что маловероятно.

Нет! Коварство тут ни при чём. Просто наш мозговой центр на мостике впал в ступор, поняв, что спасти гонку может лишь чудо, лежащее вне пределов его компетенции. Счастливчики! Им можно просто ждать, опустив руки...

Чёртова концентрация!.. Из-за потери сцепления перегрузка в поворотах слабеет, а голову приходится держать под тем же наклоном, чтобы та самая роковая ветвь, будь она неладна, уползала за пределы видимости ровно в момент, когда переключать руль.

Показалось: боковое зрение зацепило висящее на ней тело. Что за бред!.. Это не мог быть призрак казнённого заключённого или коменданта! Несмотря на громадную табличку на шее, в очертаниях «висельника» явно угадывалась женская фигурка.

Очередной раз изменив собственному недавно установленному правилу, я метнул короткий взгляд в зеркало. Действительно...

Какой-то человек с плакатом прыгнул с ветки на шины по эту сторону сетчатого ограждения.

— Я в боксы! — неузнаваемо рявкнул мой голос в микрофон, запоздалым эхом отдавшись в оживших наушниках.

2 — когда Мередит Хантер был убит Ангелами Ада на фестивале в Альтамонте в 1969 г., Роллингами исполнялась песня «Under My Thumb», а не «Sympathy for the Devil».

Круги 88–91. Жёлтые флаги

— Пейс-кар на трассе! — ликующе чеканило радио, пока я, замедляясь, подъезжал к своим расставленным пешкам-механикам. — Какие-то дебилы-пацифисты вылезли на трек. Скорость ограничена по всем секторам. Пит-лейн закрыт. Ты успел проскочить в дверную щёлку. Как подгадал?..

— Интуиция, — соврал я.

— Берегись! Как бы шеф тебя не задушил в объятиях!

Ребята и в этот раз сработали штатно. Дозаправленный и переобутый я пристроился сразу за автомобилем безопасности. Да! Преследователям пришлось неслабо притормозить. При более-менее удачном раскладе можно было надеяться вернуться не слишком далеко позади, чтобы попробовать атаковать и пройти их на свежих шинах (на необгонной трассе). Но чтобы так!..

В этот раз узреть жёлтую машину в зеркале было приятно, причём следом за парочкой круговых. Так что рестарт ожидался немного полегче.

Переливаясь огнями проблесковых маячков Порш неспеша тянул сквозь Удавку нашу пёструю вереницу. Теперь представилась возможность лучше рассмотреть причину заминки. Полицейский спереди нёс плакат, даже не догадавшись спрятать пацифик и надпись от нацеленных камер. Следом двое других, заломив руки, волокли мою вчерашнюю знакомую к ближайшему проёму в ограждении (до которого оказалось довольно далеко). С некоторым разочарованием я отметил, что сегодня на ней грязно-розовые кеды. Но без них прыгать с двухметровой высоты на гравий было б совсем сурово!..

— Чёртовы хиппи! — восклицал в наушниках мой инженер. — Мы избавили их от Гитлера, защищаем от коммунистов — и никакой признательности с их стороны. И всё равно не знаю — как их отблагодарить!..

— Избавить от наших ракет...

— Чего?.. Ты, вроде, неглупый человек, но иногда такое сморозишь!.. А если просочится в прессу?.. Представляешь, кем они тебя выставят?..

За себя он не беспокоится. Умолчать, что избавление Европы от Гитлера, мягко говоря, без коммунистов не обошлось — вполне вписывается в сегодняшние рамки приличий.

Я вспомнил, как один мой приятель-пацифист, работающий над важным оборонным заказом, убеждал: мол, профессиональная армия для того и существует, чтобы ей не пришлось воевать, а сверхсовременное оружие создаётся, чтоб никогда не быть применённым в условиях реального боя. Отчего ж им сбивают гражданские самолёты, а суперпрофессионалов стыдливо хоронят в закрытых цинковых гробах, как нераспечатанные посылки?

Материковая часть Старого Континента, к середине века почти вся успев побывать под оккупацией, ныне излечилась от комплекса сверхдержавности. За то я, наверно, и полюбил старушку Европу. А мы, победив в той большой войне против зла, пока только учимся проигрывать в войнах бессмысленных...

На следующем круге я хотел показать полиции средний палец. Пусть на кого угодно думают. Девчонка поймёт, что это им. Но пешая четвёрка уже скрылась за ограждением. По счастью! Мне стало стыдно. Ведь, выбегу возмутительница спокойствия на трассу, или ошибись и вылети на неё кто-нибудь из нас — разлетелась бы кровавыми ошмётками, как бедняга Ван Вуурен. И тем же самым, только уже не по собственной глупости, а по долгу службы, рисковали полицейские, отлавливая её на бровке. И всё равно осуждение мешалось с благодарностью. Моя хипповая муза подарила мне бесплатный пит-стоп, ценой отсидки в кутузке. Надеюсь, не придётся никому объяснять, что я её об этом не просил...

Пит-лейн открыт. И опять, как после стартовой заварушки, Лайквуд сманил за собою едва ли не весь пелотон, оставив нас с пейс-каром ехать практически дуэтом по стартовой прямой. Порш одновременно пустил вперёд круговых. Торопятся, чтобы оставить побольше боевых кругов к концу? А остальные аутсайдеры только подтягивались. И Фриц почти без потерь вернулся на четвёртое место. И всё же прослойка из пары воздержавшихся от переобувки машин оказалась кстати.

Они-то и приняли на себя агрессивный спурт тридцать первого, благодаря чему мой рестарт, в отличие от старта, прошёл без потери позиций. В первых связках я даже немного отъехал. Что может быть прекрасней свежей резины и полупустых баков на последних кругах! Когда ничей зад не мешает наслаждаться стремительно меняющимися видами, когда можно проходить повороты, не боясь кого-то поддеть или упереться...

И всё же слишком оторваться не удалось. Никем не прикрытое жёлтое пятно нарисовалось в зеркалах уже на торможении перед Тараном. Опять?!. Увлечённый проблемой с износом колёс, счастливо разрешившейся, я почти забыл о призраке. А может?..

— Он близ... — отрывисто протрещало радио, — ...пусти его.

— Кого пустить? — не понял я.

— Ты рехнулся?!. Фрэнк расправился с медленными соперниками, нагоняет тебя, — раздражённо пояснили с мостика, когда помехи прекратились. — Готовится атаковать! Не подпусти его!

И поспешно вывешенная с пит-уолл табличка говорила о том же. Можно облегчённо вздохнуть? Но расслабляться точно не стоит...

Одинаковая скорость, одинаковые шины. А аэродинамическая тень за мной снижает лобовое сопротивление, работая на преследователя. И, не откладывая в долгий ящик, Лайквуд на следующем же круге применил мой собственный приём, разогнавшись и пристроившись ко мне в воздушный мешок сразу за Кипятком. Попытки сбросить его с хвоста не увенчались успехом. Он приблизился, как к стоячему. А мне из-за ухода с оптимальной траектории пришлось затормозить чуть раньше и сильнее...

Желтизна заполнила собой одновременно оба зеркала, словно его атака сразу шла с обеих сторон. Сейчас он просунется и всё придётся повторять с начала... В лучшем случае... Теперь-то мы точно в одинаковых условиях, и не факт — что он не быстрее и не сумеет уехать.

«А, может, просто довернуть в него?.. — электрическим разрядом впились в голову мысль. — Дескать, не увидел в слепой зоне... Замедлиться мы успели, так что не смертельно... На подмоченную репутацию джентльмен-драйвера плевать! Было б чего терять!.. В конце концов Фриц сотворил с Бобом худшее, пусть и не нарочно. Коллеги если на словах и осудят, но в душе поймут... Зато сделаю главное — не дам украсть титул у того, кто его действительно заслужил. Ну... Ещё чуть-чуть вправо!.. Я же никогда потом себе не прощу!..»

Но руки будто заклинило. Оставаясь на внешней дуге, я, точно не пристёгнутый ремнями к гоночному креслу, а привязанный к медицинской каталке пациент, беспомощно наблюдал появившийся спереди жёлтый автомобиль, начавший удаляться так же шустро, как он перед тем меня настиг.

Но что это? Вместо того, чтобы закончить манёвр, тот с заблокированными колёсами распрямил траекторию, подрезав и едва не прихватив меня с собой за левый поребрик!.. Взметнулась гравийная пыль...

Оцепенение мгновенно спало! Да его и не было, мышцы всё сделали правильно без участия взбунтовавшегося от паники мозга, позволив тридцать первому не вписаться в поворот. Небось, сам не ожидал настолько разогнаться к Посошку. Подъехал, думая, что у меня потеря скорости. А ведь его просто-напросто затянуло слипстримом от...

«Молодчина, Золтан! Кому, как не тебе, помогать собрату, одной ногой в твоём сумеречном мире, стать, кем ты не успел!» — благодарно подумал я, ускоряясь на старт-финишной прямой с приятным ощущением свободы не только спереди, но и позади. Незачем знать, что происходит за спиной, главное, до цели уже недалеко. И я несколько не расстроился, заметив, как маршал на вышке прячет жёлтый флаг.

— Лайквуд выбрался. Атакуют Зебровски... — удалось разобрать сквозь помехи.

Ну давай, Пит из команды «за Боба», не подкачай! Мне же теперь не до вас. Насытился призрак, или нет, остаётся уповать только на себя и машину! Вперёд!

Наверно, любой профессионал мечтает о ситуации, когда не надо ни на кого оглядываться, ни под кого подстраиваться. Доказать себе, что уже доказал остальным. Самому по миллиметру поднимать и брать очередную планку совершенства. В моём случае им была скорость. И безупречная траектория.

В большинстве учебников по «спортивному» вождению её отчего-то рисуют единой замысловатой кривой, касающейся то одного, то другого края трассы. На самом же деле линии четыре. И между собою они практически никогда не совпадают. Но если каждая при повторном проезде тем же поворотом неизменно ложится сама на себя, что ж, есть повод быть довольным, особенно когда удаётся показать...

— У тебя лучший круг... — мог бы и не слышать, я и так это знал.

До финиша совсем чуть-чуть.

«И что потом?» — вклинилась несвоевременная мысль. Я давно разучился играть роль победителя. Вернее — никогда не умел. Не было необходимости осваивать подиумный этикет. Даже выработался защитный механизм — привычка с пренебрежением воспринимать всяких обосновавшихся там везунчиков. И вот мечу в их число? Пора

примерять новое амплуа, разучивать текст? А если послать к чертям все эти, наверняка, не только актёрам, но и зрителям набившие оскомину правила. Например, представить свою «даму сердца» журналистам «без грима» — в рваных джинсах и босиком... Нетрудно вообразить, какой желчью изойдут их перья...

Но, если они её разглядели и запомнили, я подставлю не только себя, но и команду. А главное — Боба.

Так что остаются мечты-мечты... Впрочем, не самое вредное занятие. Я давно взял за правило не заморачиваться тем, чего не случилось, вопреки расхожему: «лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть». Зачастую «а ведь могло быть...» намного лучше того, что действительно могло быть. Для неё я вполне мог остаться всего лишь безликим прохожим, у которого в стакане плескалось что-то аппетитное. А невинный поцелуй — необременительная награда за мою экзотическую профессию. Как говорится, ничего личного...

Похоже, я опять ищу повод испортить себе настроение! Не успев до конца расправить крылья, заново окукливаюсь в кокон неудачника!.. И почему я рисую её себе в жёлтом? В последний раз на ней были джинсы, розовые кеды, а какого цвета футболка, к своему стыду, вообще не помню. Может, как раз того самого... Который сегодня меня доконает!

Тем временем тело, будто не моё, успешно продолжало ехать и управлять. «-3,11», «-5,03» — раз за разом вывешивали с пит-лейн.

— Тридцать первый прошёл Зебровски, — сообщили оттуда, — но к тебе не приближается. Так держать!

Фриц в пяти секундах? Тогда что это там маячит позади? Не разобрать — даже цвет, — но явно ближе. Чьему миру он ни принадлежит, подпускать его нельзя! Я сумею от тебя уехать, Золтан Раш! Каким бы ты ни был гением скорости — мой мотор мощнее твоего допотопного движка, и у резины сцепление лучше. Перье ведь умудрился! На такой же колымаге, как у тебя! И сколь угодно потом меня караул — я сделаю главное: исполню мечту Боба Мэврика стать, кем ты не смог.

— Лайквуд... на семь... убил шины...

Но с моими, в отличие от радиосвязи, всё пока в порядке. Катят, как по рельсам к... Победе?

— Спокойней, — ненадолго прорезался в эфире голос. — Тебе кругов в три раза меньше осталось. Даже если он... Просто приведи машину к финишу... — и снова пропал, стоило мне после Квазимодо спрятаться от передатчика за холм.

Спасибо, конечно, но лучше б не отвлекали. Даже самого непобедимого гонщика, гонящегося в собственной, недостижимой для остальных, лиге, неотрывно преследуют страх и невезение. И чтобы не дать им взять верх, нельзя позволять себе халтурить — ехать не на пределе возможностей.

Тем более, вести вдруг стало поразительно легко, будто моя Лола, выучив трассу, сама следовала заданным маршрутом. Её не приходилось то и дело отлавливать сжатыми на баранке одеревенелыми пальцами и осаживать, ударяя по педалям порядком занемевшими ногами. Органы управления сделались податливыми и отзывчивыми, между сигналами из мозга и ними как бы не существовало мускульного напряжения. Вот оно — лучше поздно, чем никогда! — единение гонщика и машины. Чего доброго, я почувствую себя неполноценным, отрезанным от важной части себя, когда придётся её покинуть — на несколько месяцев, навсегда? Даже ради почестей и выгодного контракта. Никакие подиумы, кубки и брызги шампанского не заменят ощущение игриво сопротивляющегося, но покорно подыгрывающего руля и тесно, но заботливо обнимающего сиденья. Однако, как говорится, чтоб финишировать первым, сперва надо финишировать. Йо-хо! Тебе не догнать меня, чёртов призрак!..

И тут в зеркале нарисовался... На этот раз довольно отчётливо и вполне материально — не сгусток света или зияющая небом дыра в асфальте. Хотя окрас ближе к небесному, чем к «титульному-призрачному». Что за баклажан? Круговой? Вроде, не проходил такого. Вынырнул с пит-стопа на свежих шинах? Резво пошёл, что уже начинает подавливать...

Сердце бухнуло, сбившись с ритма, как шербатая шестерёнка. Так вот почему шасси так послушно стало держать траекторию, даже не пытаясь соскользнуть, как большую часть гонки. Мне-то казалось, время замедлилось от предвкушения триумфа, а на самом деле... Что значило: «Просто доведи машину...»? То, что в команде поняли, насколько это будет непросто?!

— Мы что? Теряем мощность? — еле дождавшись старт-финишной прямой выдавил я, повернувшись к вышке над пит-уолл, будто оттуда могли прочесть по губам сквозь тонированное забрало шлема.

— Куда... как угорелый? — автоматной очередью громыхнуло в наушниках. — Фрэнк... десять секунд...

Почему же тогда этот приближается? Нет, вроде опять отстал. Настолько, что его уже не видно за крутыми извивами медленного послестартового сектора. Выходит, я сам где-то ошибся и потерял темп? Например, врубил не ту передачу... Бред! Такое можно сделать, даже у мэтров случаются глупые осечки, но чтоб не заметить!.. Или технические проблемы на какое-то время возникли и ушли сами собой?.. Только б не успели вернуться!

Через несколько поворотов покажут белый флаг. Значит, ещё круг... Целый один чёртов нескончаемый круг!.. Будто победный шар, застывший у лузы. И надо умудриться ударить по нему так, чтобы он в неё не вошёл... О чём я?! Нечего вспомнить помимо той злополучной партии в бильярд, по-глупому проигранной в незапамятные

времена Курту? Когда с мальчишеским задором мечтал забить и забивал из самых сложных позиций, а стоило испугаться промазать из простейшей — сбылось и это. Фортуна, поманив, дала от ворот поворот, словно кокетливая девчонка, навесив на мою самооценку ярлык, который неудачник так и не удосужился снять. Шея зачесалась, точно и сейчас позорное украшение висит на мне, скрытое под шлемом и комбинезоном, вызывая неприятный зуд.

А вот и снова он — мой новый преследователь! Опять возник из ниоткуда, и на этот раз ещё ближе. Наверно, за без малого девяносто девять кругов я научился ездить тут с закрытыми глазами, раз спокойно разглядываю в зеркалах его, а не коварную связку Удавки и Кипятка перед собой, на которую нацеливаюсь. Похож не то на сома, не то на рыбу-молот. Откуда столь старомодный дизайн? Единственным жёлтым пятном на несурразном обтекателе были цифры «19», а чуть за ним — простоватый тускло-золотистый, будто облезлый, шлем и такое же (тоже без спонсорских надписей) заднее антикрыло. Оно и непропорционально высокий, сплюснутый с боков, воздухозаборник над дугой безопасности складывались в подобие креста из тёмной в контражуре вертикали и сияющей перекладины. Ну что ж, может теперь толстосумы заметят настырного середнячка, и реклама появится.

Пока я жался к левому отбойнику, проходя Удавку, он целиком заполнил собой правое зеркало. Даже почудилось, что вижу, как блестят из-под шлема бешеным азартом его глаза. Чёрт! Если наши колёса соприкоснутся, безумец вполне может повторить участь Золтана. А то и нас обоих замотает узлами вокруг Того-Самого-Дерева. За каким он так торопится?!. Ведь его позиция относительно меня ничего не решает. Надеется обойти реального соперника, которого даже не видно? Как и чтобы его кто-нибудь прессинговал... Думает, оставшейся минуты хватит? Или таким манером замыслил добыть себе ещё одну...

— Желаете погоняться лишней круг? Пролезай!..

Не став нырять на следующий апекс, я оставил машину на внешней дуге Кипятка, открывая калитку, и чуть отпустил газ, ожидая, когда он появится не отражением, а спереди. Ну где ты там?.. Справа его тоже не было. Как сквозь землю провалился. Спрятался в слепой зоне?

Не хочешь — как хочешь! В конце концов, кому из нас больше есть куда спешить!.. Надеюсь, он разумно отложил манёвр до Посошка, я притопил педаль обратно...

И тут переднее правое колесо дёрнулось, будто на долю мгновения упёрлось в невидимое препятствие... Кочку, которую прежние круги спокойно пропускал под брюхом, или?.. От пружинящего толчка шасси подбросило и повело, смещая к левой грязной бровке... Перед мысленным взором непрощено возник белёсый дымок из-под скользящей к стене машины Боба Мэврика, похожей на сбитый самолёт...

Круг 99. Жёлтые флаги

Первым, что дело скверно, забил тревогу вестибулярный аппарат. Перегрузка исчезла, словно твердь из-под ног. Ощущение, будто оступись во время забега наперегонки по парапету небоскрёба. Сперва гложет досада об упущенной победе... Но потом приходит осознание, что падаешь не на кровлю, а невыносимо долго летишь вдоль мелькающего фасада, едва-едва задевая неровную пылящую штукатурку и беспомощно наблюдая приближение мостовой. Единственная разница, тут вместо неё встречала стена из серых, цвета мокрого асфальта, покрышек.

Я бросил руль и прижал руки к животу, как и положено пассажиру, ожидая, когда меня примет и поглотит упругая тьма. Но показалось, в миг удара я превратился в зрителя, не ощутив ни адского мгновенного замедления, ни врезавшихся ремней, ни кивка, струной вытягивающего позвоночник... И при этом всё прекрасно видел и как-бы со стороны.

Расплющенная резина выплюнула фонтаны скопившейся дождевой воды, исторгнув низкий гул, похожий на орудейный залп. И в весь этот грохот и лязг вплёлся негромкий хруст — тоненький и противный. Странно, как будто расслышать при взрыве треск сломанного ударной волной прутика.

А потом меня, пихнув назад в собственное тело, так же резко — забытым бильярдным шариком, отскочившим от края лузы, — выкинуло обратно на дорожное полотно под лучи слепящего солнца. Мир несколько раз провернулся волчком и замер. Точнее, зацепил и увлёк с собою, теперь мы кружились вместе. Не сказать, что это здорово, как многие думают — когда он вращается вокруг тебя. Всё хорошее словно отшвыривает центробежной силой, а в воронку, осью которой ты являешься, затягивает всякое дерьмо...

Я попробовал стереть пыль, налипшую на обрызганный визор — только размазал. Да и какой толк? Мало не света, а воздуха. Поднял забрало...

Сверху чёрной радугой нависла надувная арка, прихлопнув капканом изогнутой тени. Смятый и раскуроченный обтекатель напоминал разъявленную акулю пасть. Хорошо, из пилотского кресла не видать, что у неё внутри. Показалось, в зажёванную штанину комбинезона толчками поступает не кровь, а расплавленный металл.

В ухо вонзился звук, похожий на шум работающей бензопилы. Перед глазами желтели два пятна. Одно, крохотное, мельтешило в отдалении, где изгиб виража нырял за отбойник — должно быть, маршал на посту махал предупреждающим флагом. Второе стремительно увеличивалось, заслоняя пейзаж... Призрак!

Я находился на траектории, а он с хищной улыбкой переднего антикрыла пёр прямо на меня. От нарастающей вибрации ожили и зашевелились резиновые червячки на асфальте. Из-под его колёс взметнулось облачко. Но показалось, ни скорость, ни направление не изменились. Прицеливается получше? Сейчас покорёженный кокпит разрубит надвое. Вместе со мной. Как было с тем парнем... Чёрт!.. Забыл имя!.. И уже не успею выудить из памяти!.. Будто могу помолиться ему о заступничестве, других-то молитв вовсе не знаю... Вспомнят ли в схожей ситуации меня?..

Я инстинктивно зажмурился и поджал колени... Чувствуя, как трутся друг о дружку обломки костей. Сквозь пробоину в корпусе хлынула волна ледящего холода. Вспышка боли взорвала черепную коробку.

Надрывающийся стальной визг пуль ввинтился в правое ухо...

И...

...Пройдя насквозь, вышел из левого, постепенно становясь ниже, будто ломающийся голос подростка.

Я открыл глаза, повернув голову вслед за удаляющимся жужжанием. И последнее, что увидел перед тем, как в них окончательно расплылось и померкло: яичную машину Фрэнка Лайквуда в оседающих клубах, готового лидером уйти на финальный круг.

Говорят, для многих это как полёт сквозь туннель — вроде Монакского, только намного длиннее, и свет в конце, наверно, бьёт по глазам ещё ослепительней. Мне же прежде разгулявшаяся фантазия рисовала дверь, неприметную и безликую, типа больничных вдоль коридоров, за которой тишина и кромешная темнота. Шагнув в неё, абсолютно не знаешь, чего ждать — бесконечного падения в колодезь, резкого погружения в ледяную воду, заполняющую и рвущую лёгкие, сухого испепеляющего жара, или внезапной встречи с жёстким полом, где предстоит, скорчившись от боли и досады среди пыли и мусора, проклинать по-глупому загубленную жизнь...

И никак не ожидал, что за ней возникнет извилистая, обрызганная солнцем дорога с танцующей девушкой. Показалось, у плясуньи ноги и фигурка моей знакомой хиппи, а лицо — той застенчивой журналистки. Получше разглядеть не удавалось, разметавшиеся от кружения волосы почти целиком скрывали его, поочерёдно показывая одни разрозненные фрагменты — нос, губы, щёку. Танцовщица то ли убегала, то ли манила. И какой дряни обкурилась, что даже не замечает, как поранилась о растрескавшийся асфальт? Я сорвал дыхание, пытаюсь угнаться и всего лишь сказать об этом. Ну и дьявол с ней! Вряд ли беспечная босоножка заработает сепсис или подхватит столбняк от пустяшной царапины.

Этим парням больше не повезло... — наконец привлекли моё внимание надписи, высеченные на камнях, сперва принятых за облупившиеся придорожные столбы. «...Прайс... Петерсон... Смайли... Вильнёв... Палетти... Беллоф...» — выхватывал глаз знакомые имена среди множества незнакомых. Когда строй надгробий оборвался, я задержался у последнего, пытаюсь разобрать... Свет падал так, что края свежевысеченных канавок не отбрасывали внутрь ни малейшей тени, чтобы как-то обозначился текст. Камень будто сиял изнутри, заставляя глаза слезиться. Попробовал на ощупь...

Нет, там не было написано то, что с предвкушением на грани восторга и ужаса я ожидал прочесть. Из груди вырвался хриплый вздох одновременно облегчения и горечи. Угадать не вышло, но я определённо знал покойного. Даже, наверно, ближе, чем доселе казалось мне самому...

В комнате с белым потолком развлекаться нечем, кроме как самокопанием. Стерильное чистилище для составления повинной, открывающей двери в ад. В этот раз, надо понимать, с отсрочкой. Единственное, что можно было заключить исходя из имеющейся информации — то, что я пока жив.

Поза моя почти не отличалась от принимаемой в кокпите. Разве ноги находились ещё выше по отношению к туловищу и ни на что не жали, а, напротив, растягивались, напичканные какими-то железками и подвешенные за тросы. Зато, если в моих руках оказывалась тарелка, а несколько позже — книга, это отдалённо напоминало руль.

Один томик раньше всех обнаружился рядом на тумбочке. «Anna Karenina» — прочёл я название. С таким же успехом могли бы подсунуть Библию. Естественно, первым делом меня интересовала свежая пресса, а не бессмертная классика. Но, пока я пребывал в бессознательном состоянии, более актуальные события вытеснили воскресные новости с газетных полос. Телевизора в реанимационном отделении не предполагалось. А время глянцевого спортивных журналов по теме ещё не подоспело.

На мои устные попытки что-то выведать кроме собственного здоровья медперсонал только пожимал плечами: Мэврик, Лайквуд? За какой клуб играют? Вообще не футболисты? Тогда не слышали. Похоже, при такой «нарастающей» популярности автоспорта в Федеративной Республике Вольфганг Фон Трипс и Штефан Беллоу останутся последними быстрыми немцами.

Единственная надежда возлагалась на молодого практиканта, насвистывающего мотивчик с субботнего концерта, ещё тогда меня доставший. И выяснилось: да, он кое-что слышал о гонке какой-то заокеанской серии на трассе по соседству. Вроде, даже кто-то погиб. Бред! Вот он я — вполне себе живой, хоть и не сказать, что неувредимый. Не могло же что-то ещё там стрястись за оставшийся круг в режиме жёлтых флагов!..

Родных уговорили не прилетать, убедив, что жизни их незадачливого родственника угрозы нет. Поэтому первой моей связью с вменяемым англоязычным миром оказался тот, кого меньше всего хотелось видеть. И на его физиономии, впрочем, непроницаемой как всегда, взаимно не наблюдалось малейших признаков сочувствия или ободряющей, хотя бы вымученной, улыбки.

— Как ты? — сухо бросил босс. Не похоже, чтоб он грудью пробивал сюда дорогу сквозь заслоны в белых халатах. Проще поверить, ему пришлось пересиливать собственное нежелание. Но здоровьем подопечного, доставленного без сознания в госпиталь на медицинском вертолёте, хоть ради приличия, глава команды иногда должен интересоваться.

— Вам, наверно, больше моего известно, — посетовал я. — Здешние врачи немногим разговорчивей Пита Зебровски.

— Гляжу, травмы не затронули твоей привычки не к месту юморить.

Я не совсем понял, что он имеет в виду. Но по выражению лица догадался: шеф не настроен давать подробные пояснения на сей счёт. Вместо них он молча протянул газету, ту самую, которую я искал, развёрнутую на нужной (последней) странице.

«Штайнвальд. Сумбур на фоне трагедии» — пафосно гласил заголовок. Что за манера у пишущей братии дочерна сгущать, запугивая доверчивых обывателей! Например, озаглавить заметку: «В аэропорту столкнулись два самолёта» — когда речь идёт о царапине, полученной при манёврах на рулёмке. И успокоить читателя не раньше, чем из его кармана будет выужено столько-то центов или пфеннингов в обмен на пахнущий и пачкающий типографской краской листок некачественной бумаги, мало пригодный и для нужника. Разве не моветон обзвать не смертельную аварию «трагедией»?!

Но фотография, вставленная ниже, смазанная и нечёткая, реабилитировала автора. С неё знакомо и зловеще ухмылялась маска-смайлик, выглядывая из-за чудом уцелевшей дуги безопасности. Текст под фото продолжался: «...А тем временем из Соединённых Штатов пришло печальное известие. Спортивный мир скорбит. После неравной борьбы со смертью оборвалась жизнь молодого таланта...»

Глаза защипало, как будто перед ними опять возник тот засвеченный камень... Разумеется, Боб Мэврик на данный момент замкнул трагический список жертв автогонок. Вряд ли кто-то туда проскочил за вечер воскресения. И именно его имя я сумел на ощупь прочитать на последнем надгробии из проклятого сна, который впоследствии неоднократно мне приснится.

— Врачи божатся, ты сможешь плясать уже на рождественском балу, — продолжил босс всё тем же ледяным голосом. — Поэтому говорю без обиняков — ищи себе другую команду. Мы не продлеваем контракт.

— Я, честно, и не рассчитывал.

— А я очень даже. Стыдно признаться, ты напомнил мне его... До того злосчастливого предпоследнего поворота предпоследнего круга. Хотя нет! Боб ни разу не терял голову, впадая в эйфорию или фрустрацию, и если надо было просто приехать к финишу, спокойно доезжал. Так что, когда в следующий раз захочешь покончить

собой, выбери иной способ, нежели наша машина. И команде не придётся втирать прессе про технические проблемы. Мне же впредь наука — не менять изначально принятое решение. Надо было полностью сняться с финальных этапов. Боб, даже мёртвый, не нуждается ни в чьих подачках — ни твоих, ни белобрысого мошенника, и тут не упустившего случая покрасоваться. Зачем покойнику добытое другими, думающими исключительно о себе? Вот ведь парадокс, он любил жизнь и гонки. И не мыслил первое без второго. Но кому-то, знать, нравится отбирать то, что любим, и оставлять — что презираем и ненавидим.

«Чего он несёт?! — вскипело во мне негодование. — Взаправду нафантазировал себе, будто усадил в кокпит своей драгоценной самовозки латентного суицидника?!»

— И кого берёте на освободившееся место? — не скрывая желчи, поинтересовался я. — Если парня, что не полез в открытую калитку, предпочтя дожидаться, когда вылечу — передайте ему моё им восхищение. Он далеко пойдёт!..

— Хватит ёрничать! Разглядел своё «привидение»? Хотел от него удрать, да не вышло? И где оно пригрезилось — в зеркалах, или воспалённом мозгу? Даже догадываюсь, кто тебе подселил в него эту ересь. Вас засекли накануне. Выпивающих в кафешке с тем журналюгой...

— Не надо так о моём старинном друге! И я пил только сок...

— Кому-то собутыльник, — не услышал меня шеф, — а кому-то будущий тесть. Но откуда тебе знать! Ты же у нас не интересуешься светской хроникой!

— Верно. Области наших интересов как-то не пересекаются.

— Уверен? А то б знал, что дочка этого «рыцаря пера» от первого брака помолвлена с Лайквудом.

Меня словно в прорубь окунуло. Даже начал смутно припоминать, где мог видеть раньше лицо застенчивой журналистки. «Познакомлю с дочуркой...!» Курт забеспокоился, его изобретательного красноречия не хватило произвести впечатление? Если так, то он сильно себя недооценил! Надо же такое сочинить! Призрака — двойника будущего зятя и главного соперника приятеля-неудачника. Чтобы окончательно расшатать тому, внезапно вкусившему дурманящий аромат успеха, и так неустойчивые нервы. Финансовое благополучие будущей семьи ребёнка, разумеется, поважнее них или даже жизни отпрыска добрых знакомых, по детской наивности посвятившего тебя в старшие друзья. А может понадеялся, что не стану упираться и сдамся, пустив тридцать первого к победе, приехав к своему главному позору. Тогда он ни черта не разбирается ни в людях, ни в автогонках!.. Журналист, называется! «Портретист смерти!» Захотелось не просто пофотографировать, а поучаствовать в создании натуры?!

В юные годы, ещё не выбрав окончательно стезю, теперь приведшую на реанимационную койку, я грешил сочинительством мистических историй в подражание тогдашним мэтрам ужасов вроде нынешнего Стивена Кинга. Эксперименты со свечой и зеркалом — из тех времён. Это Вангер мне присоветовал: дабы убедить читателя, нужно поверить самому. И чёрт побери! Даже сейчас я готов был поклясться, что он искренне верил в тот пьяный бред, который нёс тем субботним вечером! Иначе с чего б я в него уверовал?!

— Делай выводы сам, — видя моё состояние, насколько мог, смягчил голос шеф. — Срачивай кости, восстанавливай нервишки, короче — возвращайся в реальность. А чтоб упростить тебе задачу, открою одну деталь. Машина, на которой в семьдесят пятом разбился Золтан Ращ, была синей. Только номер на обтекателе и заднее антикрыло — золотистыми. Из-за чего соперники, преимущественно наблюдая, как он уезжает от них, и прозвали его «жёлтым призраком».

«...Комфортно лидируя, допустил ошибку, — писали про мою аварию в статье. — Впрочем, команда не исключает прокол колеса или проблемы с рулевым управлением, которые ввиду значительных повреждений не представляется возможным установить...» И это босс называет наглым враньём?! Трястись над безупречной репутацией своей самовозки, что даже такую неопределённую формулировку посчитать едва ли не предательством! Правда, на машину грешить тоже не получалось. Она была великолепна и скорее всего ни при чём.

Так в чём же дело — в глупой оплошности, помутнении рассудка, или?.. Перед самым вылетом режиссёры, видимо, уже не ожидая интересных событий на трассе вплоть до клетчатого флага, сделали прямое включение из госпиталя в Штатах. Наш «размен» с Лайквудом тоже не попал ни в трансляцию, ни в повторы. Телекамеры на том участке одновременно дали сбой, зафиксировав лишь последствия. Пересматривать по много раз, как выковыривают и грузят в вертолёт собственное бесчувственное тело, я, естественно, не стал.

Пропущенный же мною последний акт драмы действительно походил на выведенный в заголовке «сумбур». Вместо прогулки за пейс-каром до финиша Лайквуд свернул в боксы. Механики бросились менять ему колёса, думая, он получил медленный прокол, наехав на обломки. Сперва его выкрики приняли за ругательства. Но он повторял: «Флаг! Где ...ов [3] красный флаг?!» Наконец тот был вывешен и гонка остановлена. Результаты посчитали, исходя из позиций по завершении последнего полного круга, а закончил его первым как раз он, когда, въезжая по пит-лейн, пересёк черту. Тогда-то многие и усмотрели в его поведении не благородный жест, а коварный умысел.

Страсти по итогам чемпионата не унимались почти год. Одни со сдержанной ехидцей пожимали плечами: таков, мол, сложный технический спорт, и белые пока выигрывают чаще не только в шахматах. Другие негодовали. И всё было б до скукоты банально, не присоединись ко вторым сам триумфатор. Он даже пожертвовал семье Мэвриков призовые за титул. Что-ж, имея на ближайшее будущее весьма солидный контракт, чемпион мог себе позволить некоторое расточительство.

А я, заработав по очку за поул и круг лидирования, пару — за наибольшее число таких кругов, плюс несколько — за позицию на финише сразу перед круговыми, почётно занял уже привычное последнее место в итоговой турнирной таблице. Провалив шанс спасти карьеру и не предпринимая следующих попыток, я подхватил эстафету у Курта, сменив руль на перо. Больше мы не общались. Хотя у нас был целый год объясниться. До его второго (и последнего) инфаркта....

Но однажды мне довелось брать интервью у его зятя. Во время четверговой пресс-конференции пилотов накануне гоночного уикенда в сорока километрах от Болоньи. А потом мы сидели в уютной кафешке, точь-в-точь как тогда с Вангером, наслаждаясь весной (первый день мая выпадал на ближайшее воскресенье) и шедеврами итальянской кухни. Только сок через трубочку в этот раз потягивал Лайквуд, а я вместо виски хлестал пиво, благо, успел отрастить ёмкость, куда это делать. И между нами, как и в тот субботний вечер, велась неторопливая беседа не для микрофонов и печати. Обоим было что вспомнить и о чём поспорить.

К своему первому титулу за прошедшие восемь с лишним лет Фриц прибавил ещё два. Немецкоязычное прозвище за ним, правда, так и закрепилось, но, благодаря заслугам перед автоспортом, уже не носило прежний уничижительный характер. И сам он сделался более открытым и доброжелательным. То ли счастливая семейная жизнь повлияла, то ли стабильность успехов. А может, не проходящее болезненное чувство вины, которую нечем искупить, кроме как «примерным поведением».

С миром, какое-то время казалось, происходит то же самое. Но забрезжившая «эпоха дружбы и взаимопонимания» была всего лишь крайним положением маятника, уже качнувшегося в обратную сторону, чтобы вновь, разогнавшись, проскочить мимо точки равновесия.

По счастью, проблемы мировой политики не мешали автоспорту прирастать новыми территориями и неуклонно расширять аудиторию. Ему хватало собственных козырей, увлечь и праздного зрителя, и искушённого читателя. Посему я надеялся в кулуарной обстановке выманить их у непосредственного фигуранта. Речь шла, ни много ни мало, о перспективах возвращения Формулы в Штаты. Общеизвестный факт, у нас, как и везде, обожают зрелища, связанные со смертельным риском. Который организаторы, особенно в Европе, по понятным причинам стараются минимизировать. Вот я и спросил заокеанского легионера напрямую: не стали ли гонки более пресными для него после переезда сюда?

— Знаешь? — вдруг задумался он, помрачнев. — Тут есть парочка виражей, не уступающих бэнкигам на наших скоростных овалах. А машины, даже моя, чуть побыстрее будут. Невольно вспоминается...

Я вздрогнул прежде, чем он продолжил. Поняв, какой темы он сейчас коснётся. Той, которую все минувшие годы я мучительно пытаюсь забыть...

— Ты видел его?

— А ты? — машинально переспросил я от неожиданности, вместо того чтоб изобразить дежурное непонимание.

— Обошлось... А вот тебе крепко тогда досталось.

— От шефа? — усмехнулся я, спохватившись. — В последнее наше свидание на мне были доспехи из гипса. А после непродления контракта он и вовсе утратил власть надо мной.

— Брось прикидываться. Я говорю о Штайнвальдском призраке.

— Вот оно как? Тебе что-то про него известно?

— Уж точно меньше твоего.

— И на чём основано сие убеждение? Я уж и забыл ту чушь. Никогда не верь журналисту, даже если он твой друг или тесть.

— Да мы и не общались почти, — вздохнул Фрэнк. — Кажется, новоиспечённый родственник меня недолюбливал. Это Курт тебе рассказал про Золтана?

— Кто ж ещё! И — вот совпадение! — после того вечера мы тоже прекратили всякое общение. Но у вас-то должно было наладиться!..

— Как видишь, нет. Он умер без малого спустя год после нашей свадьбы. У себя в фотолаборатории. Почему тянул и только тогда занялся проявкой — непонятно. Перед смертью зачем-то сжёг в пепельнице и отпечатки, и негативы. Методом исключений установили, что они с той самой гонки. Как думаешь, отчего он не захотел, чтобы их увидели? Что такого могло на них быть?

Не к месту вспомнилась мрачная шутка то ли литературного, то ли киношного пирата, в ответ на вопрос о морском дьяволе зловеще усмехнувшегося: «Каков он?! Не приведи Господь нам когда-нибудь это узнать!..» Так кем же был явленный мне гонщик в золотистом шлеме и нелепом синем автомобиле без рекламных надписей — плодом разыгравшегося воображения, или сухопутным вариантом «Летучего Голландца»? Хотя, судя по имени, в нём скорее текла венгерская кровь.

— Возможно, ничего... — пожал я плечами. — А так сохранилась интрига. Оформленная и приукрашенная Куртом легенда продолжает жить, в том числе в наших не слишком критично настроенных мозгах. Мистическое толкование для дилетантов — наиболее удобное.

— Называешь нас дилетантами? — невесело хихикнул блондин. — Меня-то за что?

— Хорошо. В таких вещах и одного легковверного достаточно. Поэтому интервью у чемпиона беру я, а даёшь его ты. Сумев в нужный момент остаться в пределах разумного, а не гнаться за призраком и разбиться.

— Просто мне повезло, — Лайквуд нахмурился. — В один из моментов особенно!.. До сих пор с ужасом представляю, что могло произойти из-за моего беспечного эгоизма, и не нахожу объяснений, отчего не произошло. Твой отрыв был более чем приличный. И я смирился со вторым местом. Согласись, вицечемпионство — не самый позорный результат для дебютанта. И не такой скандальный. В конце концов Боб больше заслужил титул. Как и ты победу. Но! Заметив клубы над Кипятком, я подумал: судьба возвращает шанс, отобранный на рестарте! И втопил, наплевав на флаг!.. Да его практически не было видно на фоне листвы. Главное — успеть, пока ты не выбрался. Правый склон скрывал трассу, словно крепостной вал. Пытался высмотреть тебя, завязшего в гравийной ловушке... Но никого там не обнаружил, лишь раскиданные покрышки. Смекнул тогда, что дело куда серьёзней. Посчитал, ты в них полностью зарылся, раз не видать... Только отломанное заднее антикрыло торчит... А когда повернул голову, то не сразу разглядел из-за поднявшейся пыли... Ещё тень от рекламы падала неудачно...

— Было такое, — кивнул я, поморщившись.

— Честно говоря, со стороны выглядело, точно с тобой всё кончено... Вместо обтекателя дыра во весь корпус, визор задран, как будто шлем во что-то неслабо ударился...

— Я сам открыл забрало. Душно сделалось.

— Показалось, — шепнул Лайквуд, — под ним внутри ничего нет. Чернота на месте лица...

— Из-за освещения, наверно...

— Не исключено... Но меня словно парализовало. По-всякому, тормозить было поздно, даже отвернуть не успевал, я при любом раскладе не мог тебя объехать... Оставалось зажмуриться и молиться...

— Что ты и сделал?.. — съязвил я, вспомнив себя в тот момент.

— И поняв, что столкновения отчего-то не происходит, открыл их, — на полном серьёзе продолжил Фриц. — Хорошо, руль не выпустил. Дальше ты, наверно, знаешь... Из газет, пересудов... Но я без задней мысли кричал в боксах про красные флаги! Следом неслось ещё двадцать с лишним потенциальных убийц!.. Мне не стоило выигрывать... — он не рисовался, о чём свидетельствовала побелевшая физиономия.

— Тогда тебе всего лишь надо было протаранить меня.

— Прости, но я не самоубийца. И уж тем более не... Хотя, в Мичигане получилось, что да... Но нас пощадило. Выходит, проклятие Штайнвальда впервые не сработало? И теперь оно снято?

Действительно, все участники той последней гонки худо-бедно остались живы. «Включая тех, кто «не хотел»... — вспомнил я фантазии бывшего босса, хмыкнул и осёкся. — А ведь Боб — нет!..»

Мне не очень приятно было узнавать животрепещущие подробности его ухода из жизни. Но родной американской прессе, похоже, нравилось их смаковать едва ли не больше, чем события на трассе. Не знаю, стоит ли верить, что случилось это аккурат в момент, когда его близкое чемпионство с моей «лёгкой» руки разбилось вдребезги. Учитывая микроскопическую, но задержку телесигнала со спутника. Или существуют иные, неизученные наукой материи, которые способны перемещаться в пространстве ещё быстрее? Я вспомнил, как по радио просили не гнать «как сумасшедшему», когда шасси управлялось настолько легко, что мне показалось, оно замедлилось из-за технических проблем. Так кто же его вёл, словно вселившись в меня? И через моё тело обретая полное единение и гармонию с норовистым болидом...

Как бы то ни было, но именно Мэврика везла к заветному титулу машина, в которой я лишь исполнял роль дублёра — временщика, но не победителя. Значит призраку был нужен другой?.. Вот он и забрал достойного соперника! И теперь они с Золтаном гоняются где-то там, в ином мире. Пилоты, которые тут так и не стали чемпионами, вне очереди приняты в наивысшую лигу. Где не важны очки и рейтинги, из команды никто не уволит. И можно мчать, не боясь... того, что уже случилось. Но куда берут не всех.

Меня вот оставили, зная, что смогу существовать без гонок и даже научусь находить своеобразную прелесть в бытие, лишённом адреналина. А также правой ноги, ампутированной до середины голени. Её заменил недешёвый, не всякому ветерану по карману, зато сидящий как влитой протез. Не уверен, что Фриц сейчас догадывается о нём, если только не знает или не забыл.

Да, босс и тут во мне ошибся. Процесс заживления пошёл не по самому оптимистичному сценарию, и «плясать на ближайшем новогоднем балу» мне не довелось. К слову, я никогда не был выдающимся танцором. Но, без иронии, по гроб жизни благодарен немецким кудесникам от медицины за то, что удалось собрать и срастить. И за теперешнюю возможность наслаждаться аппетитной мясной лазаньей с пивом, больше не вступающими в непримиримое противоречие со спортивной диетой. Чего уж говорить про птичек, листочки и облачка на поздне-апрельском небе. Помнится, ими восхищался покойный Курт, завидуя нашему брату, вроде Золтана Раша и Боба Мэврика.

Кто следующий? Надеюсь, мы нескоро узнаем. Неплохо, если б никогда. Первая Формула, приютившая заокеанскую звезду в лице моего визави Фрэнка, двенадцатый год обходится без смертельных аварий, не переставая уделять безопасности всё большее внимание. Потому, наверно, и не поехала тогда в Штайнвальд.

Но я порой с ностальгией рисую в памяти змеиные извивы стремительно ложащегося под колёса асфальта, летящую навстречу стену листвы и покрывшек за светлой полоской гравия, напоминающей пенный прибор у прибрежных рифов. И возникает что-то вроде фантомной боли, требующей немедленно вернуться за руль. Жать на педаль несуществующей ногой. Снова на пределе безумия нестись среди безумной красоты. Даже зная, что произойдёт через несколько секунд... Вдруг есть крошечный, призрачный шанс всё исправить и выиграть? Получалось же до того рокового круга...

Однако такое исключено. И не только для меня. Живописная трасса с непростым характером, похоронившая мою неяркую карьеру, с тех пор не используется для соревнований. Внутри неё теперь проводятся ежегодные «Парады Любви», и перед тоннелем выстраиваются километровые очереди. Но это уже совсем другая история...

3 — очевидно, при повторах нецензурное слово было записано.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

ПРИЛОЖЕНИЕ. Словарь автоспортивных терминов и жаргона

Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Словарь_автогоночных_терминов

(по требованию читателей возможны дополнения, те же, кто давно интересуется гонками — спокойно пропускайте):

Апекс — точка гоночной траектории в повороте, после которой следует начинать разгон.

Такое определение предлагает Википедия, но оно мне кажется не совсем корректным. Правильнее назвать апексом точку траектории, наиболее близкую к внутреннему краю трассы, так как для оптимального прохождения поворота используется вся её ширина. Ускорение же может начинаться и до неё.

Бесплатный пит-стоп — пит-стоп, при проведении которого созданный отрыв от ближайшего преследователя позволяет гонщику не потерять занимаемой в этот момент позиции.

Боксы — помещение на гоночной трассе, отведённое для работы с автомобилем во время тренировок, испытаний и гонок. К боксам относят и пространство, расположенное непосредственно перед ними — пит-лейн, на котором автомобиль останавливается во время пит-стопа.

Болид — гиперболизированное определение гоночного автомобиля, введённое журналистами по ассоциации с раскалённым небесным телом (метеор, болид), стремительно пересекающим небосклон и исчезающим за горизонтом.

Быстрый круг — круг в квалификации, который гонщик идёт в максимально возможном темпе, стремясь показать наилучший результат. По итогам квалификации (по лучшему из быстрых кругов) определяется расстановка на старте гонки.

Бэнкинг — наклон трассы внутрь поворота; повышает сцепление с дорогой на повороте и позволяет проходить его на большей скорости. Также наклонная часть овальной трассы.

Ворман — утренняя (последняя) тренировка (разминка) перед гонкой, по результатам которой проверяются и корректируются гоночные настройки машины. Обычно проводится с полным запасом топлива.

Держак — сцепление покрышек с асфальтом. Так же обозначает наплыв на асфальте отработанной резины с покрышек при её трении об асфальт в поворотах и местах активной пробуксовки.

Дождевая резина — шины специальных состава и конструкции, которые позволяют проводить гонку даже в дождь. Дождевые шины выполняют из особо мягкого компаунда и снабжают глубокими частыми канавками для отвода воды.

Жёлтый флаг — показывается, если на трассе есть источник опасности: работающие люди, остановившаяся машина, обломки. Один неподвижный флаг показывает опасность на обочине; размахивают одним флагом — опасность на дороге вне траектории; размахивают двумя — значительную опасность (перегороженную траекторию, узкий проезд, работающих людей). В зоне жёлтых флагов гонщики обязаны двигаться без обгонов со скоростью, на которой можно объехать препятствие (в случае двух флагов — экстренно остановиться). На овальных трассах жёлтые флаги показывают синхронно над всей трассой, и выезжает машина безопасности. На дорожных трассах табличка «SC» означает, что начинается гонка за машиной безопасности.

Зелёный флаг — старт или возобновление гонки в боевом режиме, в т. ч. отменяет действие жёлтого флага.

Квалификация — соревнование участников перед гонкой, которое определяет положение гонщиков на стартовом поле. Обычно квалификация заключается в том, что гонщики проезжают один или несколько кругов по трассе, не соревнуясь друг с другом напрямую, но пытаясь показать наилучшее время прохождения круга.

Классификация — итоговый протокол, в котором указываются пилоты, прошедшие не менее определённого процента дистанции гонки (например, для Формулы-1). Не вошедшие в классификацию гонщики не считаются финишировавшими и не получают очков. В Американской же серии классифицируются и получают очки все стартовавшие пилоты.

Клетчатый флаг — флаг, который показывается гонщикам на финише, сигнализируя об окончании гонки.

Кокпит — открытая кабина гоночного автомобиля, в которую гонщик залезает сверху.

Комиссар — одно из трёх должностных лиц на каждом Гран При, назначенный для принятия решений.

Красный флаг — означает серьёзную аварию, ухудшение погоды до негоночного состояния или полностью перекрытый проезд. Показывается на всех маршальских постах по сигналу главного судьи. Гонщики обязаны сбавить скорость до безопасной и завести машины на стоянку.

Круг возвращения в боксы — круг в квалификации, на котором пилот в спокойном темпе возвращается в боксы (как правило, проехав свой быстрый круг и показав квалификационное время).

Круговой — гонщик, которого обогнали на круг. Круговые обязаны не препятствовать обгону лидирующим гонщикам (например, в Формуле 1). В Американской же серии для круговых действуют менее жёсткие правила, поскольку даже они при благоприятном для себя раскладе могут претендовать на победу, в гонках на овалах такое

вообще в порядке вещей.

Леденец — табличка, которой механики на пит-стопе отдают команды гонщику; названа так из-за своего внешнего вида, по аналогии с конфетой на палочке.

Лучший круг, также быстрейший круг — круг, который какой-то пилот (автор лучшего круга) проехал за наименьшее время среди всех гонщиков и всех кругов в гонке.

Маршалы — обслуживающий персонал гонки. В их задачу входит сигнализация пилотам с помощью предупреждающих флагов, эвакуация разбившихся машин, обеспечение чистоты трассы и безопасности. Как правило, бригада маршалов обслуживает все гонки на отдельной трассе, а не все трассы серии. В Северной Америке каждая гоночная серия располагает собственной командой профессиональных маршалов, едущей на все гонки серии.

Машина безопасности — то же, что и пейс-кар.

Овал (фр. *ovale*, от лат. *ovum* — яйцо) — плоская замкнутая строго выпуклая гладкая кривая. Здесь же имеется в виду гоночная трасса с плавными поворотами в одну сторону (влево при движении против часовой стрелки). Гоночные овалы могут иметь разнообразную форму: от круглых и овальных до треугольника и прямоугольника.

Паддок — специальное место, служащее для развёртывания моторхоумов команд и пребывания высокопоставленных личностей.

Паровоз — неофициальное название ситуации в гонке, когда гонщик по той или иной причине едет по трассе медленнее располагающихся за ним в классификации машин, которые его таким образом нагоняют, но в силу разных причин (оборонительных манёвров лидера паровоза, недостаточной разницы в скорости или характеристик трассы) обогнать не могут и вынуждены придерживаться его темпа.

Пейс-кар — специальный автомобиль, который выезжает на гоночную трассу в экстренных случаях для того, чтобы снизить скорость пелотона. Это происходит обычно в случае аварии одного из автомобилей, когда требуется время, чтобы убрать опасные обломки с трассы. Во время присутствия на трассе машины безопасности пилоты не имеют права обгонять ни друг друга, ни пейс-кар (за исключением специально оговорённых в правилах случаев), в связи с чем вынуждены придерживаться сравнительно медленного темпа последнего.

Пелотон, или пелетон, — множество машин, участвующих в гонке.

Пит-лейн — часть гоночной трассы, на которой располагаются боксы команд, участвующих в гонке. На пит-лейн производятся пит-стопы. Обычно, заезжая на пит-лейн, гонщик обязан снизить скорость согласно ограничениям данной гоночной серии.

Пит-стоп — остановка автомобиля на пит-лейн, во время которой машину могут дозаправить, сменить резину, произвести ремонт и т. д. согласно нуждам пилота и правилам данной гоночной серии.

Пит-уолл — стена или ограждение, отделяющее пит-лейн от гоночной трассы.

Поул-позиция, поул — первая позиция на стартовой решётке, которую занимает гонщик, выигравший квалификацию.

Практика — см. Свободные тренировки.

Прогревочный круг — в квалификации и гонке круг, который гонщик преодолевает в сравнительно медленном темпе, стараясь нагреть резину шин до оптимальной температуры. В случае если после прогревочного круга надо сразу уходить на боевой круг, значение прогревочного круга заключается и в разгоне на финишной прямой с тем, чтобы начать боевой круг максимально быстро. В Американской серии прогревочные круги проходятся за пейс-каром, а старт даётся не с места, а с хода.

Рента-драйвер — пилот, который сам платит команде за участие в гонках (вместо того, чтобы команда платила пилоту). Как правило, рента-драйверами являются богатые люди, состоявшие в автогонках, которые желают попробовать себя в более высоком классе гонок (пускай даже за команду-аутсайдера).

Самовозка, жарг. — автомобиль, технически настолько превосходящий соперников, что для победы не нужен самый выдающийся гонщик.

Свободные тренировки — заезды, которые проводятся до квалификации и гонки, позволяющие гонщикам познакомиться с трассой, опробовать машину и подготовить её к гонке.

Синий (голубой) флаг — требование пропустить. Если сзади приближается более быстрая машина, маршалы показывают синий флаг. Неподвижный информирует о быстрой машине сзади; если же им размахивают — требуется немедленно пропустить. В случае игнорирования пилота могут оштрафовать. В США требование синего флага носит рекомендательный характер.

Слики — абсолютно гладкие шины, неимеющие ни канавок, ни иных элементов, уменьшающих пятно контакта с трассой. В кольцевых автогонках в большинстве случаев используются именно слики. Форма автомобильных сликов представляет собой гладкий цилиндр и является оптимальной для сцепления с сухой асфальтовой трассой. В дождь применяются протекторные шины.

Слипстрим — езда непосредственно за другим автомобилем, в завихрённой зоне. Соппротивление воздуха

уменьшается как для едущего сзади, так и (в меньшей степени) для едущего спереди. Слипстрим — важная часть тактики в гонках по трековым трассам, так как позволяет сэкономить топливо и оттянуть пит-стоп, либо разогнаться и совершить обгон. Недостаток езды в слипстриме — сильная недостаточная поворачиваемость, а также сниженное воздушное охлаждение двигателя для идущего сзади.

Сплэи-энд-дэи — очень короткий пит-стоп, на котором в машину заливается немного топлива (без смены шин). Применяется, если из-за изменившейся стратегии гонщик остался без топлива (чаще всего в трековых гонках).

Старт с места — болиды выстраиваются на стартовой решётке в соответствии с некоторым порядком (обычно — согласно результатам квалификации). Старт происходит с места и даётся с помощью светофора или иным способом (редко).

Старт с хода — болиды выстраиваются на стартовой решётке в соответствии с некоторым порядком (обычно — согласно результатам квалификации), затем они следуют за пейс-каром в течение круга. Они не имеют права обгонять ни друг друга, ни пейс-кар. Незадолго до окончания круга пейс-кар сворачивает в боксы, а гонщики продолжают ехать без обгонов до конца круга. После пересечения болидом стартовой линии гонка начинается, в частности, даётся разрешение на обгон.

Стартовая прямая — прямой участок трассы от старта и до первого поворота. В кольцевых гонках стартовая прямая совпадает с финишной, и её называют «прямая „старт-финиш“».

Стартовое поле (также стартовая решётка) — площадка на стартовой прямой, где гонщики выстраиваются перед стартом с места. Порядок мест на стартовом поле (расстановка) определяется по результатам квалификации.

Трасса — дорога, на которой проводится гонка. Трасса может быть как на специализированном автодроме, так и на дорогах общего пользования (временная трасса).

Финишная прямая — прямой участок трассы между последним поворотом и финишем. В кольцевых гонках финишная прямая обычно совпадает со стартовой.

Финишная черта — черта поперёк трассы, которую надо пересечь, чтобы закончить круг и/или гонку. Автомобиль считается финишировавшим, когда пересекает черту своей передней частью.

Червячки — отвалившиеся с покрышек (зачастую в результате скольжения или пробуксовки) и лежащие на асфальте небольшие кусочки резины.

Шикана — последовательность тесных извивающихся поворотов малого радиуса, используемая для намеренного замедления автомобилей.

Шпилька — резкий поворот малого радиуса, менее 180 и более 90 градусов, соединяющий две прямые.

Эска — связка поворотов в форме латинской буквы S.